

Калдовские

Миры

Чертополох ИЗЛОМ

ВАРВАРА ШИХАРЕВА

Annotation

Порою власть обращает человека в чудовище, за внешней благопристойностью скрывается порок, кровник оказывается предателем, а на помощь приходит тот, кого ты считаешь врагом.

Олдеру, Энейре и Ставгару – каждому в свой час – предстоит заглянуть в прошлое, отделить правду от лжи и сделать нелегкий выбор, но каждый их поступок – лишь шаг на пути к новому столкновению и встрече на изломе осени.

Варвара Шихарева

Чертополох. Излом

*Посвящается Маргарите Суменковой.
Светлому человеку и мастеру слова.*

Глава 1

Заветное желание

Дари

Затаив дыхание, Дари внимательно прислушивался к тихому кряхтению и бормотанию Илара, устраивающегося на покой в соседней комнате. Бывший для Дари и нянькой, и сторожевым псом слуга уже давно потерял счет собственным годам и, изводимый старческой бессонницей, засыпал долго и плохо: ему не давали покоя старые кости, ноющие на дождь или северный ветер, а природа, точно назло, именно сегодня решила напомнить обитателям имения о том, что осень не за горами. Доселе ясное небо затянули тяжёлые, грязно-серые тучи, готовые вот-вот пролиться мелким, противным дождём, а порывы гнущего деревья ветра были по-настоящему ледяными. Так что не было ничего удивительного в том, что старик Илар маялся и вздыхал.

Тем не менее боли в пояснице не помешали ему проследить за тем, чтобы на ночь глядя Дари прочёл все положенные молитвы, а после старик самолично помог мальчику раздеться и уложил его в постель, хотя Дари мог бы запросто обойтись без посторонней помощи. Но вечерние ритуалы были так же незыблемы, как утренние и обеденные, и ни Илар, ни помогающий ему Родан не собирались их изменять, а Дари им никогда не перечил. Он уже давно понял, что это бессмысленно, и потому не пытался прошибить каменную стену лбом, а находил обходные тропы и не заметные для своих престарелых нянек лазейки.

Своим знанием он пользовался осторожно и никогда не применял его для того, чтобы подшутить над опекунами, ведь они не были ни злы, ни чрезмерно строги и в первую очередь блюли именно его – Дари – интересы... Но зато они были неимоверно, невыносимо скучны! Как старые кодексы из отцовской библиотеки, как ровно стриженные кусты, окружающие бассейн во внутреннем дворе, как высаженные вдоль подъездной дороги серебристые тополя!!!

Вот тополя Дари действительно ненавидел – искренне и люто. Так же он ненавидел и саму дорогу, которая уже долгое время оставалась пустой, – отец всё никак не возвращался со своей очередной войны... Илар, заметив, куда то и дело устремляется взгляд его питомца, всё понял правильно и тут же попытался успокоить Дари, в сотый раз сообщив мальчику о том, что беспокоиться не о чем: Олдер из рода Остенов – один из лучших военачальников Амэна, к которому благоволит не только князь, но и сам Мечник. Недаром он всегда возвращается с победой, а враги в бессильной злобе окрестили его Коршуном!..

Дари на эти увещевания привычно кивнул, хотя на самом деле они не успокоили его ни на йоту – никто, даже его отец, не может выигрывать вечно. Это ясно любому, кто достаточно долго наблюдал за режущимися в кости на хозяйственном дворе конюхами...

Между тем вздохи и кряхтения Илара постепенно стихли, но Дари осмелился поднять голову от подушки лишь тогда, когда из соседней комнаты донеслось похрапывание с тонким присвистом. Именно оно и означало, что опекун крепко уснул и вряд ли пробудится в ближайшие часы. Выждав еще несколько мгновений, Дари осторожно выбрался из постели и принялся одеваться. Штаны, рубашка, отделанная куньим мехом курточка... Справившись с

многочисленными крючками, мальчик потуже затянул пояс и приладил к нему небольшой кинжал в украшенных серебром ножнах, придававших бритвенно-острому оружию вид статусной игрушки... Обуваться не стал – комната наставника была только первым и далеко не самым сложным препятствием в грядущем предприятии...

Пол оказался выстужен больше, чем этого можно было бы ожидать, – после привычной пушистой ласковости постеленной у кровати шкуры он казался чуть ли не ледяным, и Дари, отступив назад, замер в нерешительности. Может, стоит отложить свою затею? Если холод и сырость уже пробрались в комнаты, можно только представить, что творится сейчас снаружи!..

Но, несмотря на такие мысли, Дари всё же сделал шаг вперёд – другой такой случай ему может представиться еще не скоро, ведь изводимый старческими болячками Родан уже выздоравливает, а значит, скоро начнет подменять на ночных дежурствах Илара, и тогда выбраться станет не в пример труднее. Родан мог не спать всю ночь: сидя у стола и близоруко посматривая на толстую свечу, он менял пряжки на поясах или поправлял захваченную из конюшни сбрую, хотя его тёмные и неловкие, со вспухшими суставами пальцы уже с трудом удерживали иглу и шило...

Сжимая одною рукой сапоги, Дари на цыпочках прокрался в дальний угол комнаты и вытащил схороненный за сундуком загодя собранный узелок с приношением. Вновь прислушался к мерному похрапыванию Илара и лишь после этого покинул свою комнату...

Наставник действительно крепко спал – застыв на пороге, Дари несколько мгновений пристально наблюдал за игрой теней, отбрасываемых еле теплящейся свечой на морщинистое лицо старика, а потом, решившись, на цыпочках прокрался мимо кровати Илара. Бесшумно отодвинул щеколду и выскользнул в короткий тёмный коридор.

Хотя дом был построен на совесть, в коридоре уже гуляли сквозняки, а на внутренней галерее Дари стало и вовсе зябко – колоннада выходящей во внутренний дворик галереи не могла стать преградой для порывов северного ветра. Несущиеся по небу косматые низкие тучи, казалось, укутывали собою вышедших на позднюю охоту Ярых Ловчих, а свет то и дело показывающейся из-за облачного марева луны придавал знакомым предметам совершенно иной – потусторонний и зловещий – вид...

Преображённая ночью галерея словно бы оборотилась в ждущего жертву хищника, но Дари, прошептав: «Я – Остен, а Остены ничего и никогда не боятся!», – осторожно двинулся вдоль стены. Он почти сливался с окружающими его тенями, но, заслышав голоса, поспешно юркнул в одну из ниш и затаился в ней, едва дыша. Голоса между тем стали громче и явственнее, послышался сдавленный женский смешок, и на галерею показалась обнимающаяся парочка. В женщине Дари немедленно опознал одну из служанок – темноволосую, прибирающуюся в комнатах Мэрру, а мужчиной был недавно взятый в дом Грастин, уже во всеуслышание окрещённый старшей кухаркой «кобелём, каких мало»...

Между тем парочка, не обращая внимания на холод, застыла у одной из колонн и принялась самозабвенно целоваться, даже не подозревая о том, что за ней пристально наблюдают... Наконец Грастин разорвал поцелуй и, проведя рукою по спине служанки, заметил:

– Я пьянею от одного прикосновения к тебе, малышка... Теперь и сам не понимаю, как мог так долго не замечать тебя, обхаживая эту ледышку...

Служанка вновь хихикнула.

– Исса не ледышка – она просто бережёт себя для хозяина... И будет беречь – до седых

волос!..

Дари из его укрытия было хорошо видно, как ладонь Грастина, скользнув чуть пониже спины служанки, застыла на округлой ягодице, а сам мужчина, поцеловав свою пассию в ушко, спросил:

– Почему же – до седых? Она недурна собой...

Мэрра, отвечая на ласки мужчины, немедля прижалась к нему еще теснее, обвила руками его за шею и прошептала с какой-то злой обидой:

– Наш хозяин спит лишь с дорогими шлюхами из города, а на таких, как я или Исса, обращает внимания не больше, чем на сундук в углу: очевидно, его возбуждает лишь то, на что согласится только продажная девка!..

Сидящий в нише Дари, услышав такое, едва сдержал возмущённый взглас и что было силы сжал кулаки – несмотря на свои восемь, он вполне уловил смысл намёка Мэрры, а слуга хохотнул:

– Скорее всего, наш господин просто отморозил себе в зимних походах все что можно... Но как бы то ни было, он не знает, что теряет, а я не откажусь от такой сладкой красавицы... – Грастин начал часто целовать щеки и шею Мэрры, явно намереваясь перейти к еще более откровенным ласкам, но служанка, отстранившись от него, шепнула:

– Не здесь – слишком холодно...

– Тогда где? Не думаю, что твои соседки по комнате будут рады позднему гостю! – Грастин исхитрился запечатлеть на щеке служанки ещё один поцелуй, а та, склонив голову, прошептала:

– Каморка за кухней – там нас не побеспокоят.

Грастин не возражал против такого поворота событий, и через несколько мгновений парочка исчезла из галереи. Дари, конечно, мог бы им поведать, что вышеназванная каморка – отнюдь не лучшее место для уединения: начавшая очередную кампанию против мышей кухарка растыкала этим вечером новенькие мышеловки везде, где только было можно, и у устроившихся на полу каморки любовников были все шансы угодить по меньшей мере в одну из них... А если учесть, что Гриада спит довольно чутко, Мэрру и Грастина действительно может ожидать незабываемая ночь...

Подумав об этом, продолживший своё нелёгкое путешествие Дари тряхнул головой так, что его густые тёмные волосы рассыпались по плечам: а вот нечего трепать имя отца и смеяться над ним за его спиной!.. В глаза сказать – отродясь бы не посмели, да и что они знают...

Хотя тут Дари был с собою честен – сам он знал не намного больше: отец пару раз брал его в семейную усыпальницу Остенов, но узор на мраморных плитах, под которыми покоились тела матери и младшей сестры мальчика, ничего не сказал Дари, а сам он совсем не помнил канувших в небытие родных... Ну если не считать, конечно, выуженного из самых ранних воспоминаний образа завернутого в белоснежные пелёнки, отчаянного мяукающего свёртка на руках улыбающегося отца... «Знакомься, Дариен – это Лирейна Остен, твоя младшая сестра. А ты как старший должен любить и оберегать её». Ещё Дари отчётливо помнил, что после этих слов попытался рассмотреть тонущее в ткани крошечное личико сестры, и хотя зарёванный младенец показался ему совсем неинтересным, всё равно послушно кивнул в ответ...

Позже Дари всё же спросил у Илара, почему его мать и сестра умерли так рано. Старик, услышав вопрос, долго молчал, но, поняв по взгляду воспитанника, что тот не отступится,

сказал: «Твоя мать хотела показать своему отцу внучку и отправилась вместе с Лирейной на празднование в его имение. Твой отец не стал их сопровождать – он только что вернулся из похода, хотел отдохнуть в тишине... Кто ж знал, что праздник обернётся кошмаром из-за восставших полувольных!» После этих слов старик замолчал, но потрясённый таким известием Дари всё же нашёл в себе силы ещё для одного вопроса: «Полувольные... Они... Всех убили?» Старик тяжело вздохнул: «Восставшие никого не пожалели: ни старых, ни малых, ни гостей, ни их слуг – даже твою сестру убили вместе с попытавшейся защитить её кормилицей... Но хватит об этом – дело это давнее, а здесь такого никогда не случится, потому как твой отец хоть и строг, но справедлив...»

Больше Илар так ничего и не рассказал, пресекая все попытки мальчика вернуться к этому разговору, а у отца Дари спросить об этом не решался: и не потому, что опасался родительского гнева, а просто чувствовал – не стоит...

Единственное, что оставалось мальчику, – это перебирать ранние воспоминания, в которых его отец был совсем иным: темноволосым, без суровых складок у губ, с весело блестящими глазами... Иногда сбросивший на короткий срок ратное бремя родитель становился почти прежним – так было позапрошлым летом, которое Дари провёл в южном, расположенном у самого моря имении. Отец был с ним почти три месяца – учил плавать и нырять, а ещё они подолгу загорали, лёжа на белом песке укромной бухточки... Эти дни стали для Дари одними из самых счастливых, но они так долго не повторялись, что уже начинали казаться почти что сном, а всему виной – бесконечные войны Амэна, в которых отец всегда принимал самое деятельное участие...

Подумав о войнах, уже преодолевший большую часть коридоров Дари невольно вздрогнул и, отклонившись от намеченного пути, заглянул в домашнее святилище. Там всё было точно так же, как и обычно: сильно пахло можжевельником, у статуи Алого Мечника тлел огонёк, на стенах святилища висели привезённые отцом трофеи... Дари сумрачно посмотрел на жестокое лицо статуи: на его взгляд, именно Воитель и был причиной всем неприятностям, ведь он постоянно требовал новой крови и ради этого отнимал отца и от дома, и от самого Дари, но самым худшим было то, что сила Мечника понемногу меняла отца – Дари чувствовал это и отчаянно противился происходящему всем своим существом, хотя, казалось бы, что он, не вылезаящий из простуд, слабый и не вышедший даже ростом детеныш, мог противопоставить давнему божественному покровителю Остенов?..

Из-за сквозняка огонёк у подножия статуи отклонился в сторону и затрепетал, и в тот же миг Дари показалось, что каменные черты Мечника на миг исказились в насмешливой и немного презрительной гримасе – божество словно бы смеялось над его потугами изменить сложившийся расклад, заранее предсказывая неудачу... Но Дари лишь покрепче сжал в руках сапоги и узелок с приношением и покинул святилище со всем возможным достоинством – своим видом он хотел показать Мечнику, что такими мороками его не испугаешь и не загонишь обратно в кровать, под защиту старого Илара...

Остаток избранного Дари пути пролегал в полной темноте, но мальчик пробирался по ведущим к чёрному ходу закуткам с проворством и бесшумностью кошки. Поскольку окружающий Дари мир по большей части ограничивался именами семьи, изрядная доля незаметной деятельности мальчика сводилась к их старательному исследованию – этот дом он изучил едва ли не до последней выбоины, не обделив вниманием даже самые тёмные и заброшенные уголки, в которых служанки иногда забывали сметать паутину...

А ещё Дари, смекнув, что окружающие его взрослые никогда не скажут ему всей правды,

наблюдая за населяющей имение прислугой, старался держать глаза и уши открытыми. Со временем выуженные таким образом крупницы знаний складывались в цельную картину, ну а когда малолетний Остен подслушал на кухне разговор двух служанок и узнал из него, что грозный Седобородый может выполнить твоё заветное желание, если, набравшись смелости, принести ему ночью на перекрестке требу, у него появилась вполне ясная цель...

Дари с самого начала осознал, что именно ему нужно, но вот ускользнуть от внимания престарелых наставников было куда более сложной задачей, чем собрать необходимое приношение, так что теперь ни Мечник, ни возможное ненастье его не остановят...

Добравшись до узкой, ведущей в примыкающий к дому сад двери, Дари, устроившись на полу, поспешно натянул сапоги и, вцепившись в тяжёлый засов двумя руками, с трудом его отодвинул. Потом подобрал узелок и, прижимая его к груди, протиснулся в чуть приоткрытую дверь – самым сложным было выбраться из дома, а теперь надо всего лишь наискось пересечь сад и выйти на подъездную дорогу, а там уже будет рукою подать до перекрёстка...

На улице оказалось ещё холоднее, чем на галерее, – даже тёплая куртка не спасала от шумящего в кронах деревьев ветра, но мальчик, быстрым шагом миновав высаженные ровными рядами яблони, с трудом продрался сквозь густые кусты живой изгороди. Оказавшись же на подъездной, окружённой тонкими тополями дороге, Дари и вовсе перешёл на бег: осознание того, что он вышел из-под привычной домашней защиты и оказался один на один с населяющими ночь призраками, вновь вернуло притихший было страх – мальчику чудилось чужое дыхание за спиной, а тени колеблемых ветром тополей казались ему длинными руками, готовыми вот-вот схватить его, так и не позволив дойти до цели... И Дари бежал – всё быстрее и быстрее, не смея ни оглянуться, ни перевести дыхание, и остановился, лишь когда перед ним – вконец запыхавшимся – появился каменный столб-указатель, отмечающий развилку.

Успокаивая заходящееся ударами сердце, Дари прижался разгоряченной от бега щекою к серому камню и стоял так до тех пор, пока очередной порыв ветра не растрепал ему волосы и не выхолодил спину. В самом деле – нечего ему стоять без толку, ведь время уходит, а самое главное даже не начато! Отойдя от столба, мальчик присел на корточки и развязал принесённый узелок. Расстелив ткань на дороге, разложил на ней несколько пирожков и откупорил крошечный глиняный кувшинчик, в который, пробравшись тайком в погреб, нацедил вина из бочки... Покончив с приготовлениями, Дари ещё раз внимательно осмотрел приношение и, подумав, передвинул кувшинчик чуть левее. Теперь оставалось самое главное – пролить собственную кровь и, окропив ею приношение, дожидаться глухого, отдалённого карканья, которое, по словам служанок, означало, что Хозяин Троп принял жертву и готов внимать твоей мольбе.

Дари, подумав немного, поддёргнул вверх рукав куртки, оголил тоненькое, незащитно белеющее в окружающем сумраке запястье и, быстро чиркнув по нему лезвием кинжала, вытянул руку так, чтобы кровь из ранки закапала на разложенный дар.

– Хозяин Троп, Седобородый! Прими эту жертву и выполни мою просьбу! Мне это и вправду очень надо!..

Произнеся это, Дари замолчал и стал внимательно вслушиваться в заполонившие ночь звуки, стараясь не пропустить условного знака, но тут произошло то, чего мальчик никак не ожидал: карканье раздалось не издалека, а совсем близко – прямо над склонённой головою Дари, и тот, подняв глаза вверх, увидел, как на верхушке столба-указателя клубится с каждым

мгновением всё более уплотняющаяся, становящаяся осязаемой тьма... Несколько ударов сердца – и вот уже не тьма, а огромный ворон, устроившись на камне, крепко вцепился в него когтистыми лапами и, чуть склонив голову набок, внимательно посмотрел на мальчика круглым глазом...

– Седобородый... – едва слышно прошептал ошеломлённый таким видением Дари, а ворон, переступив с лапы на лапу, устроился поудобнее на своём насесте и наградил мальчика ещё одним пристальным, отнюдь не птичьим взглядом – весь его вид словно бы говорил: «Ну давай уже – говори. Что там у тебя?»

Дари облизнул внезапно пересохшие губы и заговорил, изо всех сил стараясь, чтобы его голос звучал твёрдо и уверенно – так, как и подобает истинному Остену.

– У меня есть заветное желание... Точнее – два. Я хочу, чтобы отец вернулся из похода живым и невредимым... – Тут мальчик запнулся, не зная, как лучше высказать своё соображение, но нужные слова нашлись почти мгновенно: – А ещё нам с папой очень нужна мама!

– Кар-р-р? – У сидящего на столбе ворона даже перья встопорщились от изумления – похоже, такую просьбу ему доводилось слышать нечасто, а Дари, испугавшись, что в этом желании ему будет отказано, зачастил:

– Я понимаю, что это непросто выполнить, но когда у нас появится мама, отец будет чаще возвращаться домой и не станет так хмуриться, а я буду во всём её слушаться и ничем не огорчу... Правда!

Слушая мальчика, птица вроде бы немного успокоилась, но оставалась по-прежнему неподвижной и безмолвной. Дари задумался и, припомнив все услышанные им сказки, решительно тряхнул головой.

– Выполни моё желание, Седобородый, а за это я отдам тебе самое дорогое, что у меня есть!

Расстегнув воротник куртки, Дари снял с шеи носимый им оберег – маленький, плоский камень с выточенной волнами дырой посередине и, встав с колен, протянул его ворону, пояснив:

– Это морское око – мы его вместе с отцом позапрошлым летом нашли. Теперь оно твоё!

– Кар-р-р! – ворон взглянул на мальчика с каким-то лукавым озорством и, подхватив клювом шнурок оберега, расправил крылья. Взмыв вверх со столба, птица почти мгновенно растворилась в окружающей её черноте ночи, а Дари, проводив её взглядом, облегчённо вздохнул. Седобородый выполнит его просьбу, и у них с отцом всё будет хорошо...

На обратной дороге с мальчиком не случилось ничего необычного – ему удалось вернуться в дом так же незаметно, как и выскользнуть из него. Утром, правда, выяснилось, что Дари на своей ночной прогулке сильно простыл. Старый Илар, растирая мальчика козьим жиром и отпаивая его горячим травяным настоем, долго изумлялся тому, что его воспитанник сумел не только подхватить хворь, но ещё и сильно оцарапаться, не вылезая из тёплой постели.

Приставший к голенищу сапога тополиный лист так и остался незамеченным из-за уже изрядной подслеповатости Илара, а сам Дари не обращал на ворчание своего опекуна никакого внимания, и неудивительно – какое значение имеет очередная простуда, если вскоре отец вернётся целым и невредимым, а в доме появится мама...

Почти утонувшая в высоком кресле, высохшая от времени Старшая Жрица Дельконы едва заметно качнула головой:

– Ты не знаешь, о чём просишь, Бжестров, а потому – нет.

Сидящий напротив согласившейся таки принять его Матери Вериники Ставгар непроизвольно сжал кулаки, но уже в следующий миг распрямил стиснутые до побелевших костяшек пальцы. Сейчас излишняя горячность ему не поможет – скорее уж навредит, да ещё и вызовет на сморщенных сухих губах Старшей жрицы снисходительную улыбку.

Рожденный в семье занимающего важное место при княжеском дворе Высокого и воспитанный в соответствии со своим происхождением Бжестров с малолетства привык к тому, что его слово зачастую является приказом. А став на воинскую стезю, он быстро научился убеждать и вести за собою воинов, добиваясь необходимой цели как словом, так и делом, но теперь все его доводы и просьбы разбивались о каменную неприступность хозяйки Дельконы. Ставгару, пожалуй, было бы легче сойтись ещё раз в поединке с Амэнским Коршуном, чем заставить хрупкую, похожую на пожухлый лист жрицу прислушаться хотя бы к одному своему слову.

После того как ночью Олдер выскользнул из возможных клещей, объединившиеся с подоспевшим Милодаром военачальники крейговцев ещё раз сошлись с амэнцами в жаркой схватке – произошло это как раз под почернелыми от огня стенами Замжека. Сражение продлилось с утра и до самых сумерек, но теперь Амэнский Коршун встретил крейговцев именно там, где хотел, и им не помогли ни численное превосходство, ни отчаянная смелость. Олдер с кровью вырвал у них столь важную победу, в который раз подтвердив своё прозвище, и, уstraщённый его воинской удачей и потерями собственного войска, Лезмет потребовал от военачальников прекратить бессмысленную бойню и начать переговоры. Кридич и Милодар скрепя сердце согласились с требованием Владыки, и лишь Бжестров стоял на своём до последнего – ему казалось, что если проявить смелость и, несмотря на потери, ещё раз насесть на амэнцев, то они всё же отступят, но в этот раз победило мнение более старших и осторожных...

Во время последовавших за этим решением переговоров Бжестров, наблюдая за тем, как Кридич и Милодар торгуются с Олдером за две вотчины, которые амэнцы всё же успели подмять под себя, только и мог, что скрипеть зубами. Коршун, словно бы зная о том, какой тайный приказ отдал Лезмет своим военачальникам, вёл себя со спокойной, граничащей почти что с наглостью уверенностью и не собирался уступать ни единой пяди из захваченных земель, но Ставгар свирепел даже не от того, что Олдер из рода Остенов вёл себя так, словно бы находился у себя дома. Бжестрова выводила из себя то и дело мелькавшая на губах амэнца кривоватая ухмылка: Коршун словно смеялся – над переговорами, над находящимися в палатке крейговцами, над Лезметом, над собой...

Когда же утомительный и безуспешный для крейговцев торг был окончен, а Кридич приложил к пергаменту данный ему Владыкой Лезметом перстень с гербом Крейга, закрепляя тем самым переход к Амэну захваченных им вотчин, Олдер, дождавшись, когда чернила хоть немного подсохнут, свернул договор и, чуть склонив голову к плечу, посмотрел на Ставгара:

– Переговоры – это та же битва. Запомни мои слова, Высокий.

Хрипловатый голос Коршуна звучал совершенно спокойно, но для Бжестрова, при котором только что был подписан очередной унижающий и обкрадывающий Крейг договор, это стало последней каплей.

– Я запомню, Остен. И следующий договор с Амэном подпишу не чернилами, а твоею кровью!

Слова сорвались с губ Ставгара сами собою: он понял, что сказал, лишь тогда, когда рядом тихо охнул Кридич, а сопровождающие Коршуна амэнцы, нахмурившись, сделали шаг вперед. Казалось, еще миг – и переговоры будут сорваны, но Олдер, остановив своих людей коротким взмахом руки, произнёс:

– Для этого тебе придется хорошо потрудиться, Бжестров, ведь крейговская сталь всегда уступала амэнской, а воинов среди вас после Реймета уже не осталось!

После такого замечания уже не Бжестров, а сам ведущий переговоры Кридич невольно потянулся к поясу, словно бы позабыв о том, что перед началом переговоров сам отстегнул от него ножны с мечом... Коршун же, на прощание наградив Ставгара еще одним насмешливым взглядом, вышел из палатки...

С этого дня в жизни Бжестрова началась черная полоса. После утраты вотчин Лезмет пребывал в отвратительном настроении, и когда Ставгар и Кридич все же решились подступить к нему с рассказом о том, как мужество и смекалка Энейры, дочери Мартиара Ирташа, спасли их от беды, Владыка отмахнулся от их слов, точно от надоедливых мух. Он согласен дать девчонке денег, и хватит об этом – об Ирташах он и слышать не хочет...

Ставгар попытался было настоять на своём, сказав, что золото не заменит поруганной чести, и тем самым разгневал Владыку окончательно. Лезмет, швырнув в него кубок с недопитым вином, велел Бжестрову убираться прочь и не казаться более на глаза с глупыми просьбами, если он не хочет лишиться княжеских милостей... Ставгар, вскинув голову, коротко взглянул на побагровевшее лицо Владыки. На языке крутилось много слов – каждое вдвое злее и обиднее прежнего, но Бжестров произнес лишь:

– Я не за милости князю служу, а по чести... – и вышел из палатки, пнув на прощание опрокинутый кубок...

Вечерело – на быстро темнеющем небе загорались первые звёзды и слабо светился тонкий серп луны... Ставгар, взглянув на него, остановился, расстегнул воротник военной куртки – он задышался от гнева и несправедливой обиды, а перед его мысленным взором вновь возникла кривоватая ухмылка Амэнского Коршуна: «После Реймета среди вас не осталось воинов!»

И верно – не осталось: Владыка Лезмет – трус и пьяница, над слабостями которого потешаются все соседи, а крейговские Владетели, служа такому Владыке, и сами уже оборотились в ничтожества: ищут лишь княжеских милостей, позабыв и о чести, и о справедливой памяти для павших собратьев...

От горьких мыслей Ставгара отвлекла лёгшая на плечо рука – обернувшись, Бжестров увидел перед собою Кридича. Тот же, поймав его взгляд, понимающе улыбнулся:

– Не унывай, Бжестров, – вода камень капля за каплей точит. Если не будем отступать от своего, то добьёмся для Ирташей справедливости, пусть и придется для этого год потратить... А Владыка пусть лучше буйствует, ведь если он при упоминании Ирташей сердится, значит, чувствует свою вину, а мы ему совестью будем...

Ставгар на это увещание согласно кивнул, хотя на душе у него было по-прежнему горько – утешало лишь то, что, вернувшись в Ильё, он сможет увидеть Энейру, поговорить с

ней... Да не тут-то было! В доме сестры Бжестров нашёл лишь письмо из Дельконы, в котором сообщалось, что травница Эрка, на самом деле являющаяся Энейрой Ирташ, взята под покровительство Малики – с нею всё хорошо, но в ближайшее время её лучше не беспокоить... Последнему предостережению Ставгар, конечно же, не внял: уже на следующий день, едва свидевшись с родными, он гнал коня по направлению к Дельконе, вот только храм Малики оказался неприступнее иных крепостей – Ставгар просил заправляющих храмом жриц о свидании с Энейрой почти десять дней, но добился лишь того, что его соблаговолила принять Мать Вериника, вновь повторившая ему те же слова, что были сказаны в письме...

– И всё же – почему я не могу увидеть Энейру? – переведя дыхание, Ставгар вновь начал очередной, уже почти безнадежный приступ, и Старшая покачала головой:

– Потому что сейчас не самое лучшее время для подобной встречи. Ты ведь знаешь, что она пережила?

– Да... – Ставгар поднял склонённую было голову и вновь заговорил, стараясь сдержать внутренний жар: – Она потеряла мужа, а год назад – и свою дочь... Поверьте, Матушка, – я ничем не обижу Энейру Ирташ, но умерю её скорбь.

– Сколько лет прошло, а вы, мужчины, не меняетесь. – Мать наконец-то соизволила улыбнуться, из-за чего её крошечное, покрытое морщинами лицо сморщилось ещё больше. – Я, верно, удивлю тебя, Бжестров, но далеко не всё в этом мире лечится объятиями и поцелуями. Ты слишком переоцениваешь силу своих ласк...

Это была уже явная насмешка – сорвись сейчас Ставгар из-за подпущенной жрицей шпильки, и Мать Вериника могла бы с чистой совестью закончить слишком уж затянувшийся, бесплодный разговор, но Бжестров, проглотив насмешку, смиренно опустил голову и глухо произнёс:

– С моей стороны было бы неразумно думать о таком. Я всего лишь хочу понять причину вашего отказа, Матушка...

Жрица вздохнула, задумалась ненадолго... И, бросив ещё один внимательный взгляд на Бжестрова, заговорила:

– Энейра Ирташ пережила колдовской поединок и должна совладать с последствиями своего столкновения с амэнским Знающим. Сейчас любые волнения – безразлично, радостными они будут или нет, – могут ей лишь навредить.

– Она... Больна?.. – на этот раз голос Бжестрова предательски дрогнул, а на его вновь вскинутом к жрице лице отразились все обуревающие его сейчас чувства. – Когда она попала к нам в стан, то едва не потеряла сознание. Кридич сказал, что это была минутная слабость... Он ошибался?..

Внимательно наблюдающая за Ставгаром жрица едва заметно качнула головой.

– Твой боевой товарищ не ошибся... Благодаря столкновению с колдуном у Энейры открылся доселе спящий дар. С одной стороны – это хорошо, но с другой – опасно. Если колдун или ведьма не совладают с открывшимися в них силами, то будут жестоко наказаны за это собственным даром, а способности Энейры мало того что были разбужены резким, болезненным толчком, так ещё и оказались очень сильны.... Поверь, ей очень непросто сейчас... – Произнеся столь долгую тираду, Мать Вериника замолчала и, посмотрев на закаменевшее от внутреннего напряжения лицо Ставгара, тихо произнесла: – Я не могу тебе позволить свидания с Энейрой, но разрешу взглянуть на неё, если ты пообещаешь мне хранить молчание и не будешь пытаться заговорить с нею.

– Я обещаю, Матушка... – глухо произнёс Бжестров, и Мать Вериника, подождав к себе одну из сидящих в комнате молчаливых наперсниц, что-то тихо спросила у неё. Девушка, с почтением склонив голову, ответила жрице едва уловимым шёпотом, из которого Ставгар разобрал лишь «западная молельня», и Мать, благосклонно кивнув девушке, встала...

– Следуй за мною, Бжестров.

Мало кто из мужчин мог похвастаться тем, что был допущен во внутреннюю, тайную часть Святилища Малики, и теперь следующий за жрицей Ставгар мог лишь молча дивиться узости окутанных вечным сумраком коридоров – из-за массивных стен они казались вырубленными в скале, и Ставгару мерещилось, что он очутился в одной из горных пещер или в позабытой штольне... Каменные своды точно давили на него всей своей немалой массой, сжимали в своих неуютных тисках, и Бжестров вдруг почувствовал, что ему не хватает воздуха и света...

– Мужчинам трудно понять... – словно бы ощутив овладевшие молодым воином чувства, Мать Вериника остановилась и, повернувшись к Бжестрову, огладила одну из гладких стен. – Утроба оберегает, хранит и лелеет, во мраке и молчаливом смирении растит в себе будущее. Воинам, привыкшим к непрестанной борьбе, это чуждо, хоть вы и вышли из неё, подобно остальным. Все женщины в той или иной мере носят в себе эту дарованную Маликой силу. Подумай, сможешь ли ты принять её в Энейре? Как выяснилось, богиня одарила её щедрее прочих!..

Произнеся это не то наставление, не то предупреждение, старая жрица смолкла, а Бжестров упрямо вскинул голову.

– Я люблю Энейру Ирташ... Такой, какая она есть...

Если Хозяйка Дельконы и ожидала иного ответа, то ничем не выразила своего разочарования. Она лишь кивнула головой и, свернув в боковой коридор, произнесла:

– Помни, что обещал молчать...

Бжестров шагнул за нею в боковой проход и уже в следующий миг замер – внезапный широкий поток света после столь долгого сумрака на несколько мгновений ослепил его, но потом он увидел, что стоит в арке, выходящей в небольшой, квадратный, вымощенный плитами дворик. Арка, в которой оказался Ставгар, была полускрыта статуей Малики, а у ног изваяния стояла Энейра в тёмно-сером, украшенном вязью из рун одеянии послушницы. Льющийся сверху свет отливал янтарём в её русых косах и золотил бледную кожу, но сама молодая женщина будто бы и не чувствовала ласковых солнечных прикосновений – строгая и сосредоточенная, подобно воину перед боем, она молилась, прижав руки к груди. Ставгар видел, как беззвучно шевелятся её бледные губы, как дрожат густые, прикрывающие взгляд ресницы...

Массивная тяжесть камня ещё больше подчёркивала тонкость фигуры Энейры, показавшуюся Бжестрову беззащитной и исхудалой, – в безотчётном порыве он сделал шаг вперёд, намереваясь обнять и защитить любимую от всего света, но, вспомнив предупреждение Матери Вериники о том, что неожиданное волнение может навредить Энейре, замер на самой границе света и тени.

На счастье, его движение осталось не замеченным погружённой в молитву женщиной – она не вздрогнула и не обернулась, и застывший безмолвным изваянием Бжестров смотрел на неё до тех пор, пока Мать Вериника не тронула его за рукав, показывая тем самым, что время короткого свидания вышло. Ставгар беспрекословно отступил в тень приведшего его в молельню коридора, но когда они со старой жрицей отошли на безопасное расстояние,

заговорил:

– Матушка, я сделал всё, как вы сказали, так выполните теперь и мою просьбу. Это важно, прежде всего, для Энейры.

По-прежнему шествующая впереди Ставгара Мать остановилась и повернулась к Ставгару.

– Чего ты ещё хочешь?.. Сам ведь видел – для иных свиданий время не наступило...

– Просто скажите Энейре, что я сделаю всё, чтобы вернуть честное имя её роду. Добьюсь того, чтобы незаслуженный позор был смыт с её семьи, – твердо произнёс Ставгар, и старая жрица наградила его долгим, пристальным взглядом.

– Обещания ничего не значат, Бжестров. Твой отец в своё время тоже много чего обещал Мартиару Ирташу, но не сдержал слова...

– Мой отец? – Не в силах понять, на что намекает жрица, Ставгар шагнул вперёд. – О чём вы говорите, матушка? Мы были соседями в Райгро, не более...

Но Хозяйка Дельконы ответила на его порыв лишь тем, что холодно взглянула на Бжестрова и тихо произнесла:

– Не меня расспрашивай, а своих родителей... Я же скажу тебе лишь одно – ни живым, ни мёртвым Ирташам не нужны пустые обещания. Только дела...

Просторный дом, в котором семейство Бжестров обитало во время своих визитов в Ильйо, встретил Ставгара привычным с самого детства уютом – богатым, но не режущим глаз. Затейливая резьба лестниц и дверей, застеленные шкурами полы, натёртая до блеска серебряная и позолоченная утварь на полках в обеденной зале – всё здесь было почти таким же, как в родовом имении в Райгро, лишь цветные витражи на окнах соответствовали царящим в Ильйо вкусам. Но весёлая игра лучей, окрашенных в жёлтое, алое и зелёное, показалась готовящемуся к нелёгкому разговору Ставгару слишком яркой и неуместной...

– Сынок! – Лиадана Бжестров, отложив шитьё, встала из кресла навстречу ещё не успевшему стряхнуть с себя дорожную пыль Ставгару. – Где ты был так долго?

Бжестров поднёс к губам протянутые к нему руки матери и почтительно поцеловал унизанные перстнями пальцы.

– В Дельконе, матушка...

Лиадана с улыбкой взглянула на сына, провела освободившейся рукою по его волосам.

– Попросить Малику о милости можно было и здесь, сынок. Чем храм в Ильйо хуже Дельконы?

– Ничем, но именно Дельконские жрицы считаются самыми сведущими в травах и лечении... – Отступив на шаг от матери, Бжестров снял с пояса кисет. – Я знаю, что Ведена снова ребёнка ждёт, а это тебе – чтоб головные боли не донимали...

Лиадана приняла из рук Ставгара кисет и извлекла из него крошечный, с нанесёнными тёмной глазурью рунами сосуд из глины. Коснувшись пальцем залитого воском горлышка и перевела на сына ставший по-девичьи лукавым взгляд.

– Ты всегда был хорошим сыном, Ставгар, но только ли в лекарствах всё дело?.. Признайся, всему виной некое письмо, которое тебе передала Ведена... Так?

– И это тоже... – Бжестров на мгновение опустил глаза, но потом вновь взглянул на мать и тихо спросил: – Что мой отец пообещал Мартиару Ирташу, мама?

– О чём ты? – Лиадана удивленно взглянула на сына, но её холёные пальцы, сжимающие подарок Ставгара, дрогнули, а всё ещё красивое лицо в одно мгновение словно бы постарело,

и от внимания Бжестрова эти признаки не ускользнули. Он шагнул к матери, положил руки ей на плечи...

– Несколько дней назад меня упрекнули в том, что Бжестровы не держат слова...

Лиадана, не выдержав пристального, ищущего взгляда сына, опустила глаза и прошептала:

– Тот, кто сказал тебе такое, был пристрастен. Твой отец просто ничего не мог сделать... Незачем ворошить...

Ставгар видел, как от щёк матери отлила кровь – ей было невозможно говорить о давних делах, и это значило лишь одно – намёки жрицы были справедливы и в прошлом его семьи действительно есть пятно... Хорошо скрытое, но от этого не менее позорное. В эти мгновения Бжестрову было жаль в один миг осунувшуюся, словно бы испуганную мать, которая наверняка потом сляжет с головной болью, но он сознавал, что если он не узнает всего сейчас, то потом уже не добьётся ответа... Ставгар чуть сильнее сжал плечи матери.

– Просто скажи мне, мама, что было между Мартиаром Ирташем и моим отцом?.. Или мне об этом у него спросить?..

При последнем вопросе сына Лиадана вздрогнула, а потом подняла на сына усталые глаза...

– Не надо... Вы снова поссоритесь, как тогда, когда ты отказался жениться на Вилле... Вы ведь даже не попрощались, хотя ты должен был под княжеские знамёна стать... – Мать вздохнула и заговорила. Тихо, с трудом подбирая слова. – Мы должны были породниться с Ирташами и даже составили договор. После возвращения Мартиара из Реймета Ведена должна была стать невестой его сыну – они лучше всего подходили друг другу по возрасту, но ты сам знаешь, что случилось той зимою... За мёртвого невозможно выйти замуж... Никто не виноват.

– Значит, мой отец не вступился за честь сродственника... – медленно произнёс Ставгар, а мать лишь тихо всхлипнула ему в ответ... Бжестров прижал её к себе – слабую, поникшую. – Прости, матушка... Я не хотел тебя огорчать...

– Очень своевременное замечание, сын... – Обернувшись на голос, Ставгар увидел стоящего в дверях отца. Бажен Бжестров – рослый, широкоплечий, с изрядно выбеленной сединою гривой русых волос – был мрачнее осенней ночи. – Не далее как позавчера наш Владыка сказал мне, что я не умею воспитывать сыновей. Зачем ты вообще вспомнил при нашем князе о Мартиаре Ирташе?.. Сам знаешь, что его имя даже в храмах не поминают...

Ставгар гордо вскинул голову и с вызовом взглянул на своего родителя.

– Знаю... Но не ты ли, отец, говорил мне, что всё, в чём обвиняют Ирташа, – ложь? Тебе давно пора было обелить Мартиара от навета...

– Опять дерзишь? – Бажен шагнул вперёд, прожигая Ставгара гневным взглядом. На несколько мгновений сын и отец застыли друг напротив друга: одинаково гордый разворот плеч, выраженье на лицах – точно отражение в зеркале... Различны лишь возраст и сложение: если Бажен был тяжеловесен, словно тур, то стройный, поджарый Ставгар казался молодым волком. Уже клонящаяся к закату сила старшего Бжестрова неожиданно обнаружила, что ей противостоит как-то незаметно выросшая ровня...

Лиадана перевела взгляд с сына на мужа и невольно всхлипнула; Бажен тут же повернулся к ней, умудрившись при этом помрачнеть еще больше.

– Это ты его надоумила?.. За моей спиной?!

Из-за прозвучавших в голосе мужа громовых перекатов Лиадана испуганно прижалась к

Ставгару, а он обнял её, прикрывая плечом от отца, и спокойно сказал:

– Я был в Дельконе, отец. Там мне сказали о договоре...

– Делькона?!! Вот ведь змеиное логово! – Бажен что было силы стиснул кулаки. Казалось, он вот-вот бросится на сына, но через невыносимо долгое мгновение старший Бжестров тяжело вздохнул и уже более спокойно сказал: – Что ж, я всегда подозревал, что рано или поздно кто-нибудь решит сыграть на этом... Странно, что произошло это лишь теперь...

Кивнув каким-то своим мыслям, Бажен двинулся к лестнице, заметив:

– Пойдём, сын. Разговор нам предстоит долгий...

Ставгар задержался лишь на миг: поцеловав в висок испуганную и растерянную мать, он без слов направился за отцом.

Оказавшись в своей комнате, Бажен подошёл к стоящему в углу сундуку и, извлёкши из него длинную деревянную шкатулку, вернулся к столу. Тяжело опустившись в кресло, старший Бжестров поставил шкатулку перед собой и, подперев кулаком подбородок, погрузился в молчание.

Замерший у стола Ставгар невольно вспомнил свою предшествующую размолвку с отцом – тогда всё тоже произошло в этой же комнате, да и сам Бажен так же молчал, собираясь с мыслями, чтобы потом оповестить сына, что перед походом на Лакон он должен обвенчаться с Виллой Джеррев – ей семнадцать, она хороша собой, здорова и благонравна, а самое главное – это выгодный союз для семьи и с отцом девушки уже всё обговорено... Бажен сообщил о грядущей свадьбе так, словно это дело было уже давно решённым и не стоящим особого внимания, а потому сильно удивился, когда сын, видевший подобранную ему невесту всего раза два, и то издалека, спокойно заметил, что грядущую свадьбу прежде всего следовало обсудить с ним самим, а на Вилле он не женится ни до похода, ни после...

По мере слов сына удивление Бажена переросло в ярость – доселе пестуемый им, ни в чём не знающий отказа сын и наследник разом оказался, по словам отца, непонятно что возомнившим о себе, негодным и глупым щенком. Когда же Ставгар, несмотря на родительский гнев, так и не переменял своего решения, Бажен указал ему на дверь со словами: «Ну, коли война для тебя – лучшая невеста, то и ступай на неё. Можешь на ней же и остаться – грустить не буду!»

Последующие три дня по-прежнему гневающийся отец не перекинулся с сыном даже парой слов, а когда пришла пора прощаться, Бажен и вовсе ушёл к себе в комнату, позвав за собою заплакавшую за эти дни, тщетно пытающуюся примирить отца и сына Лиадану – даже в прощании с матерью непокорному отпрыску было отказано...

Так что не было ничего удивительного в том, что Ставгар покидал свой дом с тяжёлым сердцем: последние слова отца легли на плечи молодого воина непомерным грузом, на душе царил тоска, а смотря на знакомые улочки Ильё, он мнил, что видит их пестроту и оживление в последний раз... Именно это всё более усиливающееся предчувствие заставило Ставгара сделать на своём пути изрядный крюк: вначале он заехал к сестре и попросил Ведену о заступничестве для лесной травницы, а потом, едва ли не опустошив лавку с игрушками, Ставгар отправился к уже хорошо знакомому ему лесу под Эрглем. Пусть Эрка и не прольёт по нему даже единой слезинки, но зато окажется под защитой и не будет считать его позабывшим о своих же словах Высоким, которому попросту надоели их разговоры и возня с малышкой. Тогда это казалось Ставгару очень важным...

Зато теперь, стоя перед погружённым в молчание отцом, молодой Бжестров не

испытывал ни волнения, ни страха, хотя и понимал, что сейчас услышит нечто такое, по сравнению с чем нежданная свадьба – действительно безделица, недостойная внимания...

Бажен же, тяжело вздохнув, провёл широкой ладонью по дереву шкатулки и произнёс:

– Хотя этот договор уже утратил не только силу, но и смысл, я всё же сохранил его – во избежание кривотолков и досужих сплетен. Теперь вижу – не зря. – И отец, открыв шкатулку, вынул из неё пергамент и подал его сыну. – Читай.

Ставгар медленно развернул коричнево-жёлтый лист. Пробежал глазами по ровным строкам:

«В праздник Свечей Бажен Бжестров и Мартиар Ирташ смешивают кровь и дают клятву перед всей Семёркой помогать друг другу и защищать семью кровника, как свою.

В подтверждение и укрепление данного ими слова Бажен Бжестров и Мартиар Ирташ заключат союз между своими детьми, когда они войдут в надлежащий для брака возраст».

Чуть ниже, под скупыми строками текста, – дата договора, витиеватые подписи и оттиски приложенных печаток: беркут со стрелой – Бжестров, рвущий узду конь – Ирташ...

Увы, короткие и ясные слова договора не объясняли ни его причины, ни последующего клятвопреступного бездействия старшего Бжестрова...

Ставгар, оторвавшись от документа, взглянул на отца. Бажен, поймав его взгляд, чуть качнул головой.

– С помощью этого договора Ирташ мог бы из меня верёвки вить, но Мартиар не был жаден до княжеских милостей и никогда не просил у меня помощи, предпочитая все свои дела решать самостоятельно. Я лишь пару раз помог ему деньгами, когда в Райгро два года подряд были неурожаи из-за дождей и града... Наше кровничество осталось в тайне, и, если бы не свадьба, договор бы меня совсем не тяготил...

Услышав слова отца, Ставгар нахмурился:

– Правильно ли я понял тебя, отец? Ты заключил с Ирташами союз, сам не желая этого? Но почему?

Бажен, услышав слова сына, откинулся к спинке кресла и сложил руки на груди.

– Причина этого очень проста, сын, – она в тебе!

До этого момента Ставгар думал, что его уже ничего не сможет удивить, но теперь он только и смог, что изумлённо взглянуть на отца, а Бажен, качнув головой, продолжил:

– Твоя мать, Ставгар, несмотря на неустанно возносимые Малике молитвы и щедрые дары храмам, всегда тяжело вынашивала и рожала, но самым худшим было даже не это, а то, что все произведённые ею на свет младенцы были девочками. Все – даже те, что родились мёртвыми... С каждым годом, с каждым такими родами семейству Бжестров всё больше грозила опасность остаться без наследника, и я, отчаявшись получить помощь в храмах, решил поискать удачи в другом месте.

В Райгро было хорошо известно, что в роду Ирташей иногда рождаются женщины, наделённые колдовским даром, а Нарсия Ирташ, как говорили, вполне могла бы оказаться Старшей жрицей одного из храмов Малики, если б не была так привязана к своей семье. Она была известной травницей, её познания в ведовстве ни для кого не были секретом, и я решил обратиться к ней за помощью.

Нарсия Ирташ пришла к нам в дом – осмотрев Лиадану, она приготовила ей укрепляющие травяные сборы и дала осколок Небесного Железа, велев носить его отныне и всё время, не снимая даже на миг, а мне... – Бажен замолчал, словно бы смутившись, но потом всё же продолжил: – Мне было сказано, что наследника я получу лишь в том случае,

если овладею своей женою в посвящённую Воителю ночь, когда Волчья Луна светит на небе в полную силу, а в изголовье нашей кровати должен лежать обнажённый, залитый жертвенной кровью меч...

Я, признаться, не очень поверил во все эти хитрости, но утопающий, как известно, хватается и за соломинку, так что мы с супругой всё сделали по слову колдуньи, и через месяц после произошедшего, стало ясно, что Лиадана понесла. Нарсия Ирташ навещала нас во все дни её тягости – выпаивала мою жену травами, ворожила над ней, и благодаря этому обычные в таких случаях хвори не донимали Лиадану, а когда пришёл срок, Нарсия сама приняла у неё дитя... Тебя... Передавая мне на руки уже омытого и завернутого в пелёнки ребёнка, старая колдунья сказала, что посланный мне Мечником наследник будет хорош собою, крепок здоровьем и станет славным воином...

Устав от долгого рассказа, Бажен вновь замолчал, опустив голову, а потом, взглянув на сына, невесело усмехнулся.

– Как видишь, Нарсия Ирташ честно выполнила свою часть договора, и теперь я должен был с ней расплатиться за помощь. Я предложил ей денег и землю, но ведунья на это предложение лишь усмехнулась и сказала, что платой за её колдовство станет моё кровничество с Мартиаром Ирташем... Что ж, зная, как она относится к своему роду, я должен был такое предвидеть...

– Почему ты так говоришь об этом? – Ставгар, хмурясь, посмотрел на отца. Он был не только ошеломлён рассказом Бажена, но и сбит с толку проскальзывающими в голосе отца интонациями. – Чем нам могло помешать родство с Ирташами? Их кровь так же стара и чиста, как наша.

Бажен ответил сыну таким же хмурым взглядом.

– Чиста, не спорю... Но у Ирташей есть один изъян – они всегда предпочитали говорить правду в глаза, а потому за столько лет не нажили себе ни земель, ни положения, да к тому же ещё и крепко вросли в Райгро – в Ильйо они не могли мне стать помощниками. Всё, что мне было нужно, я от них уже получил, а для укрепления в Ильйо мне требовались другие союзники... Но я не мог сказать этого Нарсии Ирташ – в силе её ведовства я уверился и не хотел узнать, что она может сотворить, если я откажусь от выдвинутых ею условий. Если Знающая способна дать жизнь, то способна и отнять её – я так понимаю...

После такого признания Бажена в комнате повисло тяжёлое молчание. Бажен по-прежнему сидел в кресле – скрестив руки на груди, он смотрел на опустевшую шкатулку так, словно видел перед собою непонятно как забравшуюся на его стол мерзкую жабу...

Ставгар еще раз внимательно взглянул на того, кого до этого дня называл родителем. Бажен всегда был крут нравом, порою – жесток, но Ставгар никогда не думал, что за этими, вполне простительными для главы рода свойствами натуры, прячутся ещё и неумеренное честолюбие вкупе с холодной, расчётливой подлостью... Впрочем, о таком не подозревал не только он – до поры до времени обласканный Баженом более всех иных детей наследник, но и сама старая ведунья. Нарсия Ирташ думала, что нашла для своего рода союзника, а на самом деле – впустила в свой дом ядовитую гадюку... Ставгар осторожно свернул пергамент и взглянул на отца. У него оставался лишь один вопрос.

– Ты так желал новых выгод и милостей, что ради этого предал семью кровника? Нашептал Лезмету отправить Мартиара на границу с Амэном... – Голос Ставгара прозвучал негромко и подчёркнуто спокойно, но Бажен, услышав это полуобвинение-полуутверждение, вздрогнул, а потом ещё и со всего маху ударил кулаком по столу.

– Нет!.. Я не нашёптывал князю, чтобы он отправил Мартиара в Реймет, и уж конечно, не по моему почину Ирташ потащил за собою в этот городишко всю свою семью, а амэнцы вторглись в наши вотчины... И потом, я ничего сделать не мог, ведь был возле князя – на свадьбе его дочери в Гройденской пуще...

Бажен тяжело перевёл дыхание, но потом, взглянув на застывшего изваянием сына, устало сказал:

– Моя вина лишь в одном – когда после подписания невыгодного нам договора с Амэном Лезмет, в очередной раз набравшись, стонал, что теперь его позор как правителя будет уже не скрыть, я предложил ему переложить часть вины на Ирташей. Истреблённому под корень роду человеческая слава уже безразлична, зато я избавлялся от многолетней удавки на шее: Ирташи теперь – никто, а значит, и заключенный между нами договор недействителен, а следовательно, никто уже не сможет использовать его против меня...

Ставгар выслушал отца с закаменевшим лицом, ничем не выдавая того, что творилось у него сейчас на душе, но когда Бажен замолчал, сказал:

– Ты ошибаешься, отец. Энейра, младшая дочь Ирташа, жива – ни она, ни её родичи не заслужили позора, который обрушился на них по твоей воле. Я добьюсь у Лезмета оправдания для этого рода...

– Вздор! – Бажен тяжело поднялся и мрачно взглянул на сына. – Своими просьбами ты лишь разгневаешь Владыку, так что оставь эту блажь, Ставгар, – прежде всего ты должен защищать интересы своего рода! Ты – Бжестров, а не Ирташ! Что тебе до них?!

Ставгар коротко взглянул на опирающегося о стол Бажена и с горьким прозрением ощутил, что теперь даже амэнский Коршун менее чужд ему, чем подаривший жизнь родитель... Как он мог быть настолько слепым всё это время?!

Ставгар аккуратно засунул пергамент за пазуху.

– Да, я – Бжестров и сделаю всё, чтобы смыть с нашей семьи эту грязь. Я добьюсь справедливости для Ирташей, чего бы это мне ни стоило, клянусь!

Сказав это, Ставгар вышел из комнаты, оставив за спиною упёршегося ладонями в стол и словно бы закаменевшего родителя.

Олдер

Солнечные блики играли в воде выложенного белой плиткой бассейна, и из-за этого чешуя плавающих в нём больших рыб прямо огнём горела. Девочка лет одиннадцати и два мальчика лет семи, похожие между собою, точно две виноградины из одной грозди, бросали рыбакам подаваемый слугою корм, и те, лениво шевеля плавниками, подплывали к самой поверхности воды и, широко раскрывая беззубые рты, хватали предложенное угощение. Каждое движение рыб сопровождалось восторженными возгласами и громким смехом детворы, и Олдер, ещё раз взглянув на веселящихся племянников, потёр пальцами налитый болью висок. Сегодня для него в окружающем мире было слишком много шума, солнца, движения... Впрочем, сидящий напротив него на галерее Дорин – глава всего рода Остенов и двоюродный брат Олдера – истолковал его жест по-своему. В очередной раз налив в серебряный кубок тёмного вина, он придвинул его к руке Олдера и тихо заметил:

– Весть о недовольстве тобою Владыки, конечно же, уже широко распространилась по всему Милесту, но о степени этого самого недовольства говорить ещё рано...

– Ещё бы не распространилась! – Олдер отхлебнул вина и, поморщившись, снова посмотрел на резвящихся у бассейна племянников. Если бы у его Дари была хотя бы треть их веселости и жизненной силы... Право, он не просил бы большего... Подавив вздох, Олдер вернулся к едва не прерванному им же разговору. – Даже ребёнку ясно, что если вернувшиеся из похода войска лишаются полагающихся им чествований, то наш Владыка недоволен как самим походом, так и тем, кто командовал войсками...

– Тем не менее, если бы князь Арвиген действительно был в гневе, тебе пришлось бы броситься на собственный меч, едва перейдя границу Амэна... – Дорин неспешно отпил из своего кубка, чуть прищурился, внимательно глядя на Олдера. – А это наказание слишком уж напоказ. К тому же Владыка наверняка знает о твоём отношении ко всем этим пышностям. Разве не так?

– Князь Арвиген знает всё... – Несмотря на сдобренное травами вино, голова болела всё больше, а потому улыбка Олдера получилась совсем уж вымученной. – Его глаза и уши есть в каждой спальне!

Дорин тихо фыркнул, хотя произнесённые слова вряд ли можно было назвать шуткой. Князь Арвиген, ради короны сживший со свету не только братьев, но и собственного сына, искал заговоры и измены повсюду, а его соглядатаи, именуемые «Очи Владыки», сплели в Милесте настоящую сеть, в которой запутались даже знатные семейства Амэна. Невидимые соглядатаи были повсюду и наблюдали за всеми – шлюха из весёлого дома, глуповатый и шумный разносчик на площади и даже собственный, много лет прослуживший в доме слуга могли оказаться глазами и ушами Владыки, но при этом вычислить их было трудно, даже имея колдовские способности. Олдер знал, что в войске за ним наблюдает множество глаз, подозревал некоторых десятников и сотников в доносительстве, но не мог быть до конца уверенным в своих выводах. Наушников словно бы защищал какой-то невидимый щит, но даже и здесь нельзя было сказать, что за магию применил амэнский Владыка...

То ли из-за этих мыслей, то ли из-за головной боли подошедший к ним с новым кувшином вина слуга Дорина вызвал у Олдера какое-то инстинктивное неприятие, а когда прислужник, ставя на стол принесённый сосуд, на какой-то миг нечаянно коснулся тысячника, он едва смог удержать готовую отдёрнуться в сторону руку. Ощущение было таким, точно его коснулось что-то противное и холодное – вроде мокрицы... При слуге Олдер не сказал ни слова, но когда тот вновь оставил мужчин рода Остенов одних, спросил у Дорина:

– Давно он у тебя? Я раньше его не видел...

Мгновенно поняв, что таилось за этим вопросом, Дорин улыбнулся самыми краешками красиво очерченных губ.

– Недавно, но в его преданности я уверен – он никак не может быть наушником Владыки...

Олдер не стал спорить – в конечном итоге старший его на какие-то три года Дорин тоже был колдуном, посвятившим свою силу Мечнику. Он командовал «Доблестными», но, в отличие от двоюродного брата, получив лет семь назад тяжёлое ранение, сразу же ушёл в отставку и теперь вёл спокойную и тихую жизнь в окружении множества слуг и домочадцев. Уход Дорина в тень оказался в итоге более чем своевременным, а вот сам Олдер слишком поздно понял, что представляет собой князь Арвиген, и оказался втянутым в бесконечные игры Владыки...

Олдер допил пряное, ароматное вино одним глотком – так, точно оно было затхлой

водой, и вновь посмотрел на своего двоюродного брата, собираясь попросить у него в случае гнева Арвигена заступничества за Дари, но так и не произнёс ни слова – ни с того ни с сего болезненно защемило сердце, а уж на него Олдер ещё никогда не жаловался. Выдохнув сквозь зубы, тысячник вновь посмотрел на резвящихся у бассейна детей.

Что с ним происходит?.. Почему дом Дорина с каждым часом всё больше кажется ему душным склепом? Пытаясь разобраться в своих ощущениях, Олдер чуть прикрыл глаза – таким образом он немного отгородился от яркого света и назойливой боли.

Дорина и этот дом он знал с самого детства – когда отец приезжал в Милест, то всегда останавливался у тогдашнего главы Остенов, и сам Олдер быстро сошёлся с его сыном... В те далёкие времена его и Дорина частенько принимали даже не за двоюродных братьев, а за родных – в этом были повинны общие для всех Остенов черты, но у Дорина они были по-настоящему точёными – красиво вырезанные крылья прямого носа, скульптурный лоб, миндалевидные тёмно-карие глаза... Олдер рядом со своим братом смотрелся эдаким дичком, но последнее не волновало ни Дорина, ни его самого.

Со временем детская дружба поутихла, превратившись в приязнь равных между собою воинов и колдунов – Олдер нередко навещал Дорина, дарил племянникам подарки и всегда был желанным гостем в этом доме, но никогда ещё не чувствовал себя так паршиво среди знакомых с детства стен... Так что же изменилось за эти месяцы и в чём заключалась эта перемена – в доме или в нём самом?..

Висок Олдера словно бы пронзили раскалённой спицей – бездумно, почти не отдавая себе отчёта в своих действиях, он сунул руку за пазуху и, вытащив расшитый платок, промокнул им выступивший на лбу холодный пот, провёл по лицу мягкой тканью... Это простое движение почти мгновенно изничтожило боль – полотно словно бы смахнуло её, точно прилипшую паутину. Олдер, всё ещё не веря тому, что вновь может мыслить ясно, чуть качнул головой, а Дорин, рассмотрев вышивку на платке, улыбнулся.

– Я рад, что ты через столько лет решил оставить все тени в прошлом и завёл-таки себе зазнобу...

Олдер коротко взглянул на Дорина, перевёл взгляд на доселе сжимаемый в руке платок и тихо возразил:

– Ты ошибаешься, Дорин, – у меня нет никакой зазнобы. Лишь подружки из весёлых домов...

Сказав это, Олдер попытался убрать платок обратно – всем своим видом он хотел показать, что разговор на эту тему закончен, но Дорин удержал его руку и, ещё раз внимательно взглянув на вышивку, произнёс:

– У красавиц из весёлых домов, конечно же, много талантов, но вот такое вышивание в них не входит... Это работа знатной девушки, так что признавайся уже, упрямец, с кем нам вскоре доведётся породниться...

Произнеся последние слова, Дорин вновь улыбнулся, но Олдер, нахмурившись, решительно спрятал платок и произнёс:

– Сейчас ни о каких сердечных делах не может быть и речи – Арвиген ещё не озвучил свою волю, а что на уме у нашего Владыки, не знают даже Аркосские демоны...

Вызов к Владыке Олдер получил, будучи уже в казармах... В запечатанной воском с оттиском перстня князя Арвигена записке значилось «прибыть немедленно», и тысячник не стал с этим спорить. Передавший приказ и долженствующий сопровождать его в твердыню Арвигена слуга отнёсся к покладистости Остена с тихим изумлением – обычно амэнские

аристократы не являлись пред очи своего князя в будничной одежде, но Олдер никогда не следовал этим правилам. Он – воин, и куртка «Карающих» для него – лучшее одеяние и в будни, и в праздники... Да и глупо рядиться, идя на возможную смерть... Последнее соображение Олдер, конечно же, оставил при себе, стараясь ни словом, ни движением не выдать того, что творится у него внутри.

Как бы то ни было, а вызов князя, что бы он ни сулил, лучше бесплодного ожидания...

Небольшую заминку Олдер позволил себе лишь раз – в одном из коридоров он остановился и, вытащив из-за пазухи давнишний платок, вновь посмотрел на украшающую его вышивку. Этим напоминанием о лесовичке Олдер обзавёлся совершенно случайно...

После договора с Крейгом, когда войска амэнцев уже возвращались на родину, Олдер на одном из привалов застал Антара за странным занятием. Сидя на земле, сосредоточенный, с полужакрытыми глазами, тот медленно водил пальцами по линиям вышивки расстеленного перед ним платка... Олдеру хватило одного взгляда, чтобы узнать эту работу, эти мелкие стежки, образующие почти живой рисунок... Тысячник шагнул вперёд.

– Антар!

Чующий вздрогнул и открыл глаза.

– Глава. – В следующий миг он попытался спрятать платок, но Олдер, заметив движение Чующего, лишь слегка качнул головой.

– Я узнал эту вещь, Антар. Зачем она тебе?

Антар поднялся, покорно склонил голову.

– Я захватил платок из сруба перед уходом. Хотелось узнать, выжила ли девочка...

На губах колдуна, внимательно наблюдающего за смущением пожилого Чующего, мелькнула слабая улыбка.

– И как? Узнал?

Антар не стал отпираться.

– Да, глава. Она жива и благополучна настолько, насколько это возможно...

– Что ж, значит, эта вещь тебе больше без надобности. Отдай. – Олдер протянул было руку за платком, но, встретившись с настороженным взглядом Чующего, вновь усмехнулся. Правда, в этот раз усмешка была невесёлой.

– Я не собираюсь причинять ей вред, Антар. Лесовичка честно выиграла свою свободу, а для меня эта вещь будет напоминанием...

Антар, не осмелившись больше перечить, отдал Олдеру платок лесовички, и с тех пор вышитая руками дикарки ткань всегда была при тысячнике. Вещь ещё несла в себе отпечаток души создавшей её женщины. Взяв платок в руки, Олдер мгновенно ощущал так запомнившееся ему мягкое тепло, и это ощущение нравилось ему уже само по себе.

Конечно же, со временем отпечаток на платке ослабнет, а потом и вовсе исчезнет, но кроме этого, тысячнику нравилась и сама вышивка. Лесовичка по праву могла оправдать прозвище дикарки, ведь на ткани она вышила не розы или лилии, а самый что ни на есть настоящий чертополох. Разлапистый, гордо несущий свои соцветия, сорняк казался живым и даже на вид – колючим и упрямым. Несколько его стеблей были сломаны так, точно по нему конь прошёлся, но вышитое растение словно бы излучало упрямое упорство и всем своим видом показывало, что никакие невзгоды не в состоянии пригнуть его к земле, и Олдеру думалось, что между ним и колючим упрямым с вышивки есть нешуточное сходство... Его тоже ломали, и не раз, но он всегда вставал с колен и находил выход... Найдёт и теперь – ради Дари...

Тысячник знал, что одним из любимых ходов Владыки было вытребовать к себе, в качестве малолетнего чашника или иного слуги, любимого отпрыска того или иного аристократа. Ребёнок, находясь при князе, становился, по сути, заложником и мог погибнуть из-за любого проступка родителя: безразлично, явного или мнимого... Так уже бывало, и Олдер уже давно поклялся себе, что его Дари никогда не попадёт в руки к Арвигену, и именно поэтому даже не выказывал слишком явной приязни к сыну...

Проведя рукою по выпуклому рисунку, Олдер вновь спрятал платок и направился за слугой... Ещё через несколько поворотов и коридоров тысячник с сопровождающим вышли в один из обширных внутренних дворов княжеской твердыни и направились в сторону соколятни. Это можно было бы счесть доброй приметой – в окружении столь любимых им птиц Владыка редко выказывал свой гнев, но кто мог сказать, что на уме у князя Арвигена...

Войдя в помещение Олдер, завидя князя, преклонил колено и опустил голову.

– Моя жизнь принадлежит тебе и твоему роду, Владыка...

Это было традиционное приветствие, но Владыка не торопился с ответом. У Олдера уже затекло колено, а Арвиген, словно бы и не замечая склонившегося перед ним тысячника, продолжал беседовать с сокольным о плохом пищеварении у одной из птиц... И лишь закончив этот, без сомнения, важный разговор, словно бы рассеянно заметил:

– Ты так быстро пришёл, Олдер из рода Остенов – я даже не ожидал... Встань... К чему церемонии...

Тысячник немедленно воспользовался предоставленной ему возможностью, не забыв при этом мысленно фыркнуть: все слова, произнесённые Владыкой, – ложь. Арвиген наверняка продумал эту встречу до малейшего жеста и теперь привычно лицедействовал, а ему, Олдеру, оставалось лишь подчиняться...

Арвиген же, передав крупную самку ястреба слуге, слегка кивнул головою Олдеру, приглашая его тем самым следовать за собой, и двинулся вдоль устроенных для птиц клеток с насестами.

– Я слышал, в этом походе тебе пришлось столкнуться с множеством препятствий?

Услышав вопрос Владыки, Олдер чуть дёрнул плечом.

– Трудностей было не больше, чем в других кампаниях, Владыка...

Арвиген повернулся к тысячнику, уголки его бескровных губ поднялись в едва заметной усмешке...

– Мне нравится, что ты никогда не оправдываешься, Олдер... Другой бы на твоём месте – да хоть тот же Ревинар! – уже бы рассказывал мне о полученных им в сражении ранах, о коварстве крейговских лазутчиков, непроходимости тамошних болот и о том, что в Крейге неожиданно появились полководцы, которые смогли бросить ему вызов.

Лицо Олдера при последних словах Владыки осталось непроницаемым, но кулаки чуть заметно сжались. Уже донесли, расписав во всех подробностях... Мрази... А Арвиген, так и не дождавшись от Олдера ни единого слова, продолжил:

– На самом деле я хоть и сержусь, когда мои пожелания не выполняются, но понимаю, что любой мой воин имеет право на ошибку, ведь даже великолепно обученные соколы порою промахиваются во время охоты...

Произнеся это, Арвиген подозвал одного из сокольных и, велев принести ему Стремительного, неспешно принялся осматривать поднесённого ему на перчатке сокола. Олдер же молча наблюдал за Владыкой, в который раз поражаясь тому впечатлению, которое Амэнский Владыка производил на большинство людей...

Ростом чуть пониже тысячника, с худой и словно бы ломкой фигурой, Арвиген со спины мог показаться гораздо моложе своего уже весьма почтенного возраста, тем более что его тусклые волосы, с уходом в столь нетипичную для амэнцев рыжину, почти не несли в себе седины. Но стоило князю повернуться к кому-либо лицом, как это наваждение рассеивалось без следа.

Крупные залысины не только делали зримо выше и без того немалый лоб князя, но ещё и подчёркивали его орлиный нос и надменно-хищные черты. Впечатление несколько портила по-старчески дряблая, покрытая коричневыми пятнами кожа, но всё это искупалось гипнотическим взглядом водянистых, почти бесцветных глаз... Лишённые всяческого выражения, равнодушные, словно бы у змеи, они вызывали у людей подспудный страх, но Олдер испытывал лишь настороженность и какую-то непонятную гадливость, которую ему с годами становилось всё труднее скрывать...

Между тем Арвиген, осмотрев и накормив птицу, вновь взглянул на Олдера и продолжил прерванный им же самим разговор:

– Единственное, чем ястребы и соколы отличаются от людей, так это тем, что неудача не ослабляет их, и я хочу знать, не сломала ли тебя твоя ошибка... Излови мне крейговского беркута, Олдер!

Услышав такой приказ, тысячник позволил себе удивиться. Вопросительно вскинул брови.

– Речь идёт о младшем Бжестрове, Владыка?

Арвиген ответил ему лёгкой усмешкой.

– Именно... Он поставил под сомнение нашу силу и должен поплатиться за это... Приведи его ко мне живьём, но, охотясь за молодым беркутом, помни, что мы пока не будем нарушать заключённый с Крейгом договор...

Пытаясь скрыть обуревающие его чувства, Олдер склонил голову.

– Сделаю всё по твоему слову, Владыка...

На этот раз Арвиген усмехнулся уже совсем явственно.

– С учётом того, как этот Бжестров повёл себя на переговорах, эта охота должна прийтись тебе по вкусу, Остен... И ещё, на поимку беркута я даю тебе четыре месяца, так что у тебя будет время повидаться с семьёй...

Олдер поднял голову, спокойно взглянул в змеиные глаза князя.

– Благодарю, Владыка... Но первым делом я проверю, как обстоят дела в имениях...

Глаза Арвигена чуть заметно прищурились.

– Ненадёжный управляющий?

Олдер пожал плечами:

– Любой управляющий надёжен лишь до тех пор, пока знает, что его счета могут проверить в любое мгновение, Владыка...

Арвиген согласно кивнул головой.

– Ты разумен, Олдер... Надеюсь, что через четыре месяца я вновь смогу назвать тебя своим лучшим военачальником! А теперь – ступай!

Выходя из соколятни, Олдер не смог сдержать облегчённого вздоха – Арвиген ни разу не упомянул о Дари, и это не могло не радовать, хотя полученное Олдером задание являлось отнюдь не простым. Но об этом тысячник решил поговорить не с Дорином, а с по-прежнему коптящим небо Ириндом. Старый вояка и теперь не утратил былой хватки, так что вполне сможет помочь ему парой советов, а ещё Иринд должен был купить для Дари подарок...

В отличие от Владыки, годы оказались к Иринду беспощадны: старый «Карающий» усох до невозможности и почти полностью облысел – похожие на пух волосы сохранились у Иринда лишь на затылке и возле ушей. Этот встопорщенный венчик вкупе с морщинистой шеей и оказались как раз теми штрихами, что придали отставному тысячнику полное и окончательное сходство со старым грифом: теперь лишь глаза под красноватыми веками остались у согнутого прожитыми годами Иринда прежними – внимательными, умными, с острым, пронизательным взглядом...

Впрочем, характер и манеры бывшего «Карающего» тоже не претерпели особых изменений...

– Мог бы и ко мне сперва зайти, прежде чем к нашему Владыке дурным козлом переться... – Иринд начал привычно ворчать, едва Олдер, устроившись напротив своего давнего знакомого, упомянул о вызове к Арвигену. – Владыка наш хоть и считается непредсказуемым, в своих настроениях весьма логичен... И определить их можно по последним событиям в Милесте, так что я вполне мог тебя просветить...

Иринд перевёл дух и чуть покачал головой – по всему было видно, что он собирается прочесть своему давнему выкормышу ещё одно нравоучение, но, увидев мелькнувшую на губах Олдера невесёлую усмешку, Иринд решил отложить ворчание на потом и, прищурившись, спросил:

– Если я не разучился понимать твои гримасы, Олдер, то моё брюзжание несколько запоздало и всё обошлось?

– Как сказать... – Олдер не торопился с ответом. Глядя на то, как Иринд разливает по принесённым слугою стопкам васкан – распитие лендовского напитка за неспешным разговором уже давно стало у Иринда едва ли не ритуалом, – тысячник вспоминал совсем иные времена и иные разговоры... На какой-то миг время, казалось, изменило свой бег – прошедшие годы ухнули в никуда, и Олдеру почудилось, что он очутился в той самой, отмеченной взятием Реймета зиме и теперь беседует с Ириндом о Мартиаре Ирташе...

Уже в следующее мгновение наваждение сгинуло, а Олдер ещё раз взглянул на руки Иринда, затянутые, несмотря на тёплое время года, в некое подобие вязаных перчаток без пальцев, и уточнил:

– Суставы?

– Нет. – Иринд закончил священнодействовать над стопками и придвинул к себе свою порцию. – Холод... Теперь я мёрзну даже летом – смерть уже вплотную дышит мне в затылок и выхолаживает кровь, а я всё никак не соберусь на свидание к этой красотке...

Словно бы в подтверждение своих слов, Иринд поплотнее запахнул свою тёплую куртку с высоким воротом и поправил укутывающую ноги медвежью шкуру. Лишь после этого он, опрокинув стопку, довольно крякнул и наградил Олдера ещё одним цепким взглядом.

– Ну, рассказывай уже о том, чем тебя наш Владыка «порадовал»? Я, в отличие от тебя, колдуна, мысли читать не умею...

Усмехнувшись на привычное брюзжание Иринда, Олдер начал свой отнюдь не весёлый рассказ... Иринд слушал его, привычно прикрыв веки, а по окончании тихо заметил:

– Хорошо, что я уже давно в отставке. Ради пустой прихоти «карающих» стали отсылать за добычей, точно собак...

Олдер на это чуть заметно качнул головой, а складки у его губ обозначились ещё резче, когда он сказал:

– В этом как раз вся соль наказания. Арвиген решил напомнить мне, что я – всего лишь орудие, ведь моя жизнь, согласно присяге, принадлежит ему... Но приказы исполняются по-разному...

– Ты прав. – Иринд откинулся в кресле и вновь чуть прикрыл глаза, раздумывая над создавшимся положением. Через некоторое время изрёк: – Дороги в Крейге и Ленде беспокойные – купцы даже не мыслят свои обозы без охраны, а крейговцы хоть и не любят нас, но ценят наше вино. Ты с небольшим отрядом вполне бы мог всем этим воспользоваться...

Олдер чуть заметно качнул головой:

– Эта мысль пришла и мне в голову, но она не очень удачна. По мне и моим людям слишком хорошо видно, чем именно мы торгуем... Я оставляю эту задумку на тот случай, если ничего другого не останется...

Иринд совсем по-птичьи склонил голову к плечу.

– Прости, Олдер, но Бжестров сам к тебе в руки не приедет, а имения этой семьи – в Райгро...

Но тысячник на это возражение лишь упрямо мотнул головой, а потом Олдер слегка нагнулся вперёд, его чёрные глаза блеснули...

– Приедет... Если его желание пустить мне кровь – не простая похвальба, то Бжестров непременно появится на границе с Амэном, если вдруг узнает, что наш Владыка отправил меня за все заслуги в ссылку в одну из тамошних крепостей... Гарнизоны там небольшие, крейговцы это знают.

– Я понял тебя... – Иринд налил себе очередную порцию васкана и с усмешкой взглянул на Олдера. – И ты, шельма, очень своевременно озвучил свои желания, ведь мой племянник уже два месяца занимается крейговскими лазутчиками и принесенными ими сведениями. Так что можешь быть спокоен – вести о твоей опале и месте, где тебя можно будет сыскать, разлетятся по всему Крейгу так быстро, как только это будет возможно...

– Спасибо... – Олдер наконец-то опорожнил свою стопку, которую во время разговора лишь грел в ладонях, и тут же резко сменил тему: – А как обстоят дела с тем, о чём я просил тебя раньше?

– Неплохо. – Иринд, усмехнувшись, вызвал слугу и, отдав ему короткий приказ, вновь повернулся к Олдеру. – Это действительно дорогая вещь – не в упрёк тебе, Олдер, но не слишком ли это будет для твоего ребёнка?

Услышав такое замечание, Олдер мгновенно помрачнел.

– Я уже давно не видел у Дари улыбки – возможно, хоть это его немного развеселит...

Энейра

Я аккуратно выкопала Белый корень и положила его в корзину – к уже убранному с грядки собратьям, повернулась, чтобы взяться за следующий, да так и застыла на корточках с ножом в руке, пораженная одной простой мыслью: уже осень! И это будет первая моя осень, которую я встречу не в ставшем мне родным лесу, а среди суровых стен Дельконы...

На какой-то миг очень захотелось вернуться под сень так долго бывшего мне домом сруба, но я, тряхнув головой, отогнала это желание: даже если дом не порушен и удастся заново вдохнуть жизнь в пасеку, это не приблизит меня ни к Мали, ни к Ирко... Их души уже

далеко от тех мест – в ту беспокойную ночь дух Ирко сказал, что Большой медведь принял его и дочку под своё покровительство, а это означает, что души дорогих мне людей навсегда ушли по неведомым для меня тропам. Воскрешая и привязывая к прошлому их тени, я не помогу им – наоборот, принесу вред...

Тряхнув головой, я вернулась к положенной мне сегодня в урок храмовой грядке, но собрать с неё все напитавшиеся целебным соком растения мне так и не удалось: подошедшая ко мне младшая сестра сказала, что Мать Вериника хочет со мною побеседовать... Что ж, желание Матери – закон. Отнеся собранные мною корни для просушки и сполоснув руки, я направилась в комнату Старшей Жрицы.

Проходя по ставшим уже привычными тёмным коридорам, я вновь ощутила присутствие той силы, которой был напоён храм, и снова тряхнула головой – с одной стороны, сила Малики помогала мне совладать с собственным пробудившимся даром, но с другой – словно бы усыпляла, погружая в череду одинаковых дней, а такому покою я почему-то теперь противилась, хотя совсем недавно жаждала его всей душой...

В самом начале мне пришлось особенно трудно – несмотря на данный мне Кридичем амулет, всплески пробужденного дара выливались то в мучительные ночные видения, то в болезненный, ледяной озноб, то в головокружение, при котором краски и звуки мира сливаются в одну яркую и нестерпимо шумную круговерть... Именно в такие минуты мне становилось действительно страшно – казалось, еще чуть-чуть, и я перейду какую-то невидимую грань, из-за которой уже не будет возврата, но в самый последний момент волна затопляющей сознание силы начинала сходиться на нет...

Тем не менее укрепляющие и успокаивающие отвары, мерный и строгий ритм обители, а самое главное – бесконечные упражнения в сосредоточении, которые мне давала Мать, приносили свои плоды. Текущая по моим жилам сила уже не казалась мне бурлящим потоком – я не захлёбывалась и не тонула в ней и все чаще подчиняла её приливы и отливы своим желаниям.

Старшая, поняв, что первый и самый мучительный этап овладения даром для меня закончился, тут же увеличила долю ежедневных упражнений и молитв, к тому же теперь во время них меня всё чаще старались вывести из хрупкого равновесия резким окриком или неожиданно возникшей марой...

Именно поэтому приехавшего навестить меня Ставгара в первый миг я приняла за одну из таких, щедро расточаемых Матерью Вериникой ловушек, в которую я в этот раз едва не угодила. Мне стоило немалых усилий продолжить молитву без единой запинки или лишнего движения, но потом, бросив из-под ресниц ещё один взгляд на замершего в проёме Бжестрова, я убедилась, что в этот раз цели Старшей Жрицы были иными. Безмолвное свидание было испытанием не только для меня, но и для него... Более того, именно для Ставгара оно было гораздо более мучительным – я видела это по его лицу...

В кругу жриц я ни разу не обмолвилась ни об этой встрече, ни о своих выводах, и вот теперь, спустя несколько дней, Мать позвала меня для беседы, и я понимала, что говорить мы будем именно о Ставгаре... Но что я могла сказать о нём Старшей сверх того, что она и так знает? Ведь именно она отправляла письмо сестре Бжестрова – совесть не позволяла мне просто исчезнуть, не оставив по себе никаких известий...

Я задумчиво покачала головой – гадание ни к чему не приведёт. Мать Вериника сама скажет, зачем ей понадобился этот разговор...

Старшая ожидала меня в своих покоях: она отослала от себя наперсницу, и это убедило

меня в том, что наш разговор пойдёт о том, что не предназначается для ушек молоденькой и любопытной Лиары... Со мною будут говорить о Ставгаре...

Я поклонилась освещённой солнцем фреске с изображением Малики, потом повернулась к жрице.

– Вы хотели меня видеть, Матушка?

– Присаживайся, дитя моё... – Хозяйка Дельконы улыбнулась и указала мне на кресло подле себя, а когда я воспользовалась её предложением, добавила: – Я думала, что ты решишься поговорить со мной, но ты молчишь, Энейра, и потому я сама тебя спрошу. Что ты думаешь о Ставгаре?

Задав такой вопрос, Мать Вериника наградила меня пристальным и цепким, отнюдь не старушечьим взглядом, а я с трудом удержалась от того, чтобы закусить губу. Я ведь ожидала такого поворота, думала о нём.

– Ставгар – смелый и разумный воин. Крейгу давно не хватало такого заступника. – Я не покривила душой, произнеся эту похвалу. В Делькону новости доходили быстро – Мать Вериника и ещё некоторые Старшие жрицы состояли в переписке со многими знатными семьями, так что я знала и о том, чем закончилось очередное столкновение с Амэном, и о том, как Бжестров проявил себя в этом походе.

Но жрица, услышав мой ответ, чуть качнула головой и снова спросила:

– Ты была рада увидеть его?

Я на миг опустила глаза.

– Да, Матушка. Я рада, что он жив и здоров.

На это раз Мать Вериника позволила себе чуть-чуть нахмуриться.

– Ставгар не только хороший воин. Он ещё молод, благороден, хорош собою и любит тебя. Приехав сюда, он добивался минутного свидания десять дней – согласись, такое упорство чего-то да стоит...

Сказав это, Старшая замолчала, наградив меня многозначительным взглядом, но я промолчала, ничего не ответив на это замечание, и жрица продолжила:

– Я стара, но вижу многое – Бжестров готов отдать жизнь и душу за твою благосклонность. Неужели тебя это совершенно не трогает?

Я помимо воли сжала кулаки – служительницы из Дельконы были добры ко мне и стали настоящей опорой, но я хорошо помнила, как они в своё время восприняли Ирکو. Теперь же Мать Вериника напрямую расспрашивала меня о чувствах к Бжестрову, но я не хотела делать её поверенной в своих сердечных делах. Я и сама не знала, что испытываю к Ставгару: тот его единственный поцелуй ещё долго волновал мне кровь, но в то же время меня почти что страшила его страсть – слишком сильная, слишком жаркая, она почти не оставляла выбора, а мне не нравилось чувствовать себя загнанной в угол... А ещё тревожила мысль, что такой расспрос ведётся неспроста и Мать Вериника может использовать влюблённость Ставгара для непонятных мне целей, но меньше всего мне хотелось, чтобы он оказался игрушкой в чужих руках... Придя к такому выводу, я выпрямилась в кресле и, вскинув голову, посмотрела в глаза жрицы.

– Я думаю, что Ставгар необходим Крейгу и считаю его благородным и честным человеком, но его любовь меня страшит, и я надеюсь, что со временем он всё же охладее ко мне и будет искать себе пару среди равных.

Старшая покачала головой:

– Ты ошибаешься, дитя моё, – ты равна ему во всём. Ирташи не менее родовиты, чем

Бжестровы...

– Неужто мне надо напоминать вам, Матушка, что имя Ирташей опозорено! – произнесла я с неожиданной даже для себя горечью и, поняв, что перешла на почти что непозволительный тон, закусила губу, но Мать Вериника не стала упрекать меня за дерзость. Погрузившись в молчание, она о чём-то раздумывала на протяжении нескольких минут, а потом тихо сказала:

– В этом храме всегда будут чтить память Мартиара, что бы ни произошло. А теперь ступай... Я ведь, кажется, оторвала тебя от дневных обязанностей...

– Я всё навестаю, Матушка. – Встав из кресла, я склонилась перед Старшей и поспешила покинуть её комнату. С плеч точно гора свалилась – мне казалось, что своим ответом я спасла и себя, и Ставгара от какой-то хитроумной игры.

После этого разговора моя жизнь в Дельконе вернулась в привычную колею, но спокойные дни продолжались совсем недолго: в один из вечеров, выйдя во внешний двор, я увидела возле гостевого дома необычное оживление – слуги какого-то приехавшего в Делькону за исцелением богача всюду суетились около носилок, помогая подняться на ноги своему господину. Тот же хоть и с трудом, но встал и, опираясь на плечо одного из слуг, откинул с головы капюшон укутывающего его дорожного плаща. Прямые, похожие на солому волосы тут же рассыпались по плечам приезжего, а я, благословляя ранние осенние сумерки, отскочила за угол, опознав в приезжем Владетеля Славрада!

Из своего укрытия я видела, что обязанная сегодня принимать гостей Дельконы Мителла смотрит на исхудавшего и измученного Славрада с состраданием – он, похоже, действительно маялся из-за ран, но я ни на мгновение не поверила, что Славрад явился сюда лишь за исцелением. Очевидно, Владетель опять решил принять участие в сердечных делах друга без его ведома и явился сюда для встречи со мной – прошлое ничему его не научило!

Немного успокоившись после такой поднесённой мне Седобородым неожиданности, я с горькой улыбкой решила, что если уж Славраду так неймётся, то я не стану слишком уж сильно от него таиться, и не ошиблась в своей догадке. Владетелю понадобилось четыре дня, чтобы, передохнув с дороги, разговорить младших и отправиться во внутренний двор – помолиться в храме.

До святилища он, конечно же, так и не добрался, свернув к храмовым грядкам, у которых я была занята привычной работой. Я сразу же заметила его приближение – опираясь на палку, Славрад с трудом ковылял по узкой тропке прямо ко мне, но я и не подумала прерывать своё занятие и продолжала собирать целебные растения ровно до тех пор, пока надо мною не раздалось:

– И опять ты вся в земле, дочь Мартиара Ирташа. У тебя просто-таки нездоровое для Высокой пристрастие к огородничеству.

Усмехнувшись, я поднялась с земли и стала напротив Владетеля. Как бы ни были тяжелы раны Славрада, они не повлияли на остроту его языка.

Впрочем, мне теперь тоже не было нужды молчать.

– Глупо бояться испачкаться землей, из которой произрастают исцеляющие тебя травы, Высокий!

Я произнесла это совсем негромко, но этого оказалось вполне достаточно, чтобы улыбка Славрада истаяла без следа, а сам он глухо сказал:

– Я проделал очень нелёгкий путь, Энейра, и считаю, что один разговор ты мне всё же должна. Мы можем побеседовать без лишних ушей?

– Я не звала тебя сюда, Высокий, и не думаю, что задолжала тебе хоть что-нибудь, но если этот разговор чем-то поможет... – Я не думала, что услышу от Славрада хоть что-то хорошее, но и бежать от него не собиралась, намереваясь решить все возникшие у него вопросы раз и навсегда. Оглядевшись и отметив, что наша беседа, кажется, не привлекла особого внимания, я направилась по одной из тропок в глубь двора – за густыми зарослями малины у внутренней стены располагалась пара вкопанных в землю лавок и такой же стол, на котором в ясную погоду жрицы разбирали только что собранные травы. Сейчас здесь никого не было, и я присела на одну из лавок. Славрад тяжело опустился рядом, помолчал, глядя на этот раз в землю...

Укравкой наблюдая за ним, я видела, как он, опершись локтями на стол, то и дело постукивает пальцами по дереву. Славраду было сложно начать разговор, которого он так добивался, а я не спешила помочь ему. В конце концов, именно Владетелю и нужна эта беседа... Молчание понемногу затягивалось, но потом Славрад всё же решился.

– У тебя много лиц, Энейра: селянка, ворожейка, Высокая, Жрица Малики... Какое из них настоящее? – Подняв глаза от земли, Владетель наградил меня свойственным ему пристальным взглядом, но я в ответ лишь чуть улыбнулась.

– Они все правдивы, Высокий, да и не тебе ставить мне это в упрёк. Особенно теперь – когда выяснилось, что ты ищешь в Дельконе не излечения ран, а встречи со мною.

– Верно... – Славрад вновь забарабанил пальцами по столу, но почти сразу же прекратил это занятие – сжав руку в кулак, мотнул головой. – Я не хочу ссориться с тобой, Энейра... Поверь... Возможно, я был груб прежде, но меня оправдывает как то, что я не знал, чья ты дочь, так и то, что я искренне желал помочь Ставгару. Ты ведь не знаешь его, как я... Не видела, каким он вернулся из Дельконы...

Славрад замолчал, словно бы собираясь с новыми силами, а я заметила:

– Может, я и мало что смыслю в мужской дружбе, но плести интриги за спиной приятеля – отнюдь не лучший способ ему помочь!

– Думаешь? – Славрад мрачно взглянул на меня. – Вполне возможно, что я поступаю не слишком честно, но совесть у меня всегда была покладистой и сговорчивой, да и что прикажешь делать, если ваша Старшая сказала Ставгару, что малейшее волнение может причинить тебе вред?.. И что-то мне подсказывает, что досточтимая жрица не только сильно преувеличила грозящую тебе опасность, но и после не рассказала тебе всего, что вышло между ней и Ставгаром.

– Ты прав. Не говорила – лишь намекнула. – В этот раз я вынуждена была согласиться с Высоким, и не спускающий с меня испытующего, острого, точно нож, взгляда Славрад сокрушенно покачал головой.

– Я так и подумал... Кридич, если бы заподозрил что-то действительно неладное, поделился бы с нами своими соображениями, вот только Ставгар никогда не рискнет проверять слова жрицы касательно твоего здоровья, так что Матерь Вериника может из него веревки вить – он даже не пикнет!

Я поневоле сжала кулаки – сам не зная того, Славрад озвучил грызшие меня со дня беседы с Матерью подозрения.

– Что Матерь потребовала от Ставгара? – спросила я Владетеля, а он тихо хмыкнул мне в ответ.

– Пока что ничего, но из-за её намеков он рассорился с собственным отцом.

– Даже так... – Теперь я уже ничего не понимала, а Славрад, тряхнув головой,

продолжил:

– Стемба рассказал нам, кто ты такая, сразу же после твоего отъезда из лагеря, и Ставгар с Кридичем поклялись перед боем, что вернут честное имя Ирташам во что бы то ни стало. И это не пустые слова, Энейра. Они уже пытались поговорить с Лезметом, да только князь их слышать не хочет! Но Ставгар от своего теперь не отступится, и ни опала, ни гнев Лезмета его не испугают.

Сказав это, Славрад замолчал и вновь выбил по дереву кончиками пальцев торопливую дробь, а я, решив, что поняла, наконец, куда он клонит, спросила:

– Ты хочешь, чтобы я отговорила Ставгара от попыток вернуть моему роду честное имя?

Славрад искоса взглянул на меня, усмехнулся...

– Нет, Энейра... О таком и речи быть не может хотя бы потому, что я считаю оправдание Ирташей вполне справедливым и позже собираюсь присоединиться к этой паре безумцев. Моя просьба заключается в ином – не отталкивай от себя Ставгара!

Произнеся такое требование, Владелец вновь принялся изучать доски стола, а я вздохнула.

– Ты уже говорил со мною о таком несколько лет назад. Помнишь, чем все закончилось?

– Помню... – В этот раз Славрад не обернулся на мой голос. Только еще ниже опустил голову и произнес: – Тогда я считал себя вправе приказывать, но теперь могу лишь просить. Не отнимай у Ставгара надежду, Энейра... Я ведь не о многом прошу...

Я медленно покачала головой.

– Ты понимаешь, о чём просишь, Славрад? Ложная надежда может быть хуже отчаяния, да и разочарование после неё ударит сильнее.

Славрад, так и не подняв на меня глаз, невесело усмехнулся.

– Ты права... Но эта надежда не даст сейчас Ставгару потерять остатки здравого смысла и удержит его от совсем уж отчаянных поступков. Поверь, я не зря тогда задумывался о том, что ты опоила его приворотным зельем – до тебя он так себя не вёл.

Я видела, чувствовала, что Владелец искренне переживает за друга, но предлагаемый им обман претил самой моей натуре, поэтому я возразила.

– Разве Ставгар до этого дня не влюблялся? Прости, но я не верю тебе, Славрад. Разве ты сам не упоминал о какой-то Либене?

– Либена? – Славрад повернул ко мне голову, и я увидела, как дрогнули его губы. – Либена была, да и остаётся первой красавицей во всём Ильйо – замужество и последующие роды ненамного уменьшили её красоту, но в девичестве она была воистину прекрасна. Ослепительная и холодная, точно зимнее утро, и даже некоторая надменность её не портила... В те годы по ней не сох разве что слепой, а я и Ставгар равно сходили по ней с ума. Она же, в свою очередь, выделяла нас из всех своих многочисленных поклонников, но в то же время не предпочитала никого...

Произнеся это, Славрад, поймав мой взгляд, тряхнул головой и слабо усмехнулся.

– В это теперь трудно поверить, но тогда... Тогда я действительно был влюблён, а Либена... Либена же наслаждалась игрой, а в довершение, убедившись, что мы со Ставгаром находимся под её властью, ещё и решила устроить между нами состязание во время одной из княжеских охот. Сказала, что подарит поцелуй тому, кто ради неё прикончит затравленного охотниками тура, который к тому времени, будучи раненным, уже выпустил кишки лошади Бажена, да и его самого едва на рога не поднял...

Произнеся это, Славрад ненадолго замолчал, опустив глаза – он точно заново переживал

ту давнюю историю, и я тихо произнесла.

– Я не требую от тебя рассказов о вашем прошлом, Владелец. Тебе не обязательно вспоминать то, о чём не хочется говорить.

– Ой ли... – Услышав мои слова, Славрад мгновенно подобрался, до боли став похож на изготавившегося к прыжку хорька. – Любопытство – основное женское качество, и я более чем уверен, что ты, дочь Мартиара Ирташа, наделена им в не меньшей степени, чем другие представительницы твоего пола! И все же ты права – я действительно не люблю вспоминать о той травле хотя бы потому, что, услышав слова Либены, струсил самым натуральным образом, а Ставгар... – Владелец вновь запнулся, но уже через миг, одарив меня новым цепким взглядом, продолжил: – Ставгар вошёл в круг и одолел-таки зверюгу, но потом, когда Либена одарила его милостивой улыбкой, сказал лишь, что не требует от неё никакой награды, и покинул место охоты. С этого самого дня холодная красавица перестала для него существовать, а я, оставшись первым и единственным, так и не решился воспользоваться плодами незаслуженной победы. В итоге всего через пару месяцев Либена стала женой пожилого Квестара...

Я рассказал тебе всё это, Энейра, вовсе не для того, чтобы потешить твоё любопытство. Я просто хочу, чтобы ты поняла: если Ставгар совершил подобное сумасбродство, будучи уже разочарованным, то ради тебя он решится и на откровенное безумие. В твоей власти не допустить этого, Энейра. Пойми.

Теперь уже пришёл мой черёд опускать глаза.

– Я ничего не могу обещать тебе, Славрад...

Владелец же, поняв, что никакого утвердительного ответа ему от меня не добиться, с трудом встал из-за стола и сухо заметил:

– Я не прошу у тебя обещаний, дочь Мартиара Ирташа! Лишь сочувствия... Жрицы Малики должны быть милосердны, разве не так?

Сказав это, он ушёл, оставив меня наедине со своими мыслями, а всего через несколько часов меня вызвала к себе Мать Вериника – наш разговор со Славрадом не прошёл мимо внимания жриц.

В этот раз Старшая не стала ходить вокруг да около, а сразу осведомилась, зачем Владетелю понадобилось со мною говорить. Понимая, что она если и не знает, то догадывается о сути нашей беседы со Славрадом, я рассказала Матери Веринике лишь о его обеспокоенности создавшимся положением, не вдаваясь в особые подробности той действительно нелёгкой беседы.

Старшая выслушала меня молча, но по её хмурому лицу было ясно, что произошедшее ей совсем не нравится. Когда же я закончила свой рассказ, она, задав ещё пару вопросов, покачала головой:

– Вот уж чего я действительно не ожидала, так это таких вот посещений. Славрад действительно с трудом стоит на ногах, но за то немногое время, что ему выпало у нас провести, не только смутил твой покой, но и успел вскружить головы двум младшим жрицам. И, боюсь, это только начало!

Я на миг опустила глаза, но, приняв решение, вскинула голову и посмотрела прямо в глаза Матери Веринике.

– Вы очень помогли мне, Матушка, но если моё пребывание здесь не идёт Дельконе на пользу, я немедленно покину эти стены.

Я произнесла это совсем негромко, но Старшая тут же подняла свою маленькую сухую

ладонь в предостерегающем жесте.

– Тише, Энейра... Никто не гонит тебя, и Делькона всегда будет тебе защитой и опорой, но в связи с последними событиями я должна кое-что предпринять, и мои действия будут напрямую зависеть от твоего решения. – Мать на миг замолчала, подчёркивая важность только что произнесённых ею слов, и, убедившись, что я восприняла их как должно, спросила: – Скажи, ты уже задумывалась о своём будущем?.. Вернее, что тебя сейчас привлекает больше – повторное замужество или служение Малике?

В этот раз я непозволительно долго медлила с ответом – именно потому, что его не было. Мне было трудно представить кого-либо на месте Ирко. Что же до Бжестрова, то после разговора с Владетелем во мне начало укрепляться нехорошее подозрение, что сближение между мною и Ставгаром может оказаться для него роковым. С участием жрицы всё обстояло не лучше – характером я, видно, удалась в прабабку и потому слишком хорошо понимала, что толстые стены Дельконы не только защищают, но и отгораживают меня от мира. К тому же я в своей жизни привыкла выражать своё мнение больше действием, чем словами, и потому в Дельконе для меня был открыт лишь один путь – лекарки и травницы, но никак не Старшей или Наставницы.

Последние соображения я и высказала, добавив, что обучение с удовольствием бы продолжила, но ни жрицей, ни женой я себя не вижу – по крайней мере, сейчас. Мать же, выслушав такой, казалось бы, неутешительный для неё ответ, не высказала даже тени недовольства и лишь задумчиво покачала головой.

– Я живу намного дольше, а потому вижу всё немного по-иному, Энейра, смерть мужа глубоко ранила тебя, но даже такая рана со временем зарубцуется – вполне возможно, что ты, встретив достойного тебя человека, ещё захочешь создать свой семейный очаг и родить детей. Скажу сразу – я не вижу в этом ничего предосудительного, ибо участь жены и матери, терпеливое возвращение новой жизни и есть наше постоянное женское служение Малике.

Что же до Храма... Открывшийся в тебе дар очень глубок, и ты ещё сама не осознала всех его граней. В Дельконе с давних пор краеугольным камнем была медицина, но, думаю, тебе будет полезно ознакомиться и с другой стороной накопленных нашими сёстрами знаний. Я хочу отправить тебя в Мэлдин... Так амэнцы переименовали не так давно принадлежащий Крейгу Доржек...

При упоминании об амэнцах моя спина невольно распрямилась, а кулаки сжались...

– Вы хотите отправить меня в Амэн, Матушка? – Я изо всех сил старалась говорить спокойно, но слова выдали меня сами собой. – Зачем?

Мать Вериника ответила мне тихой улыбкой.

– Хотя Доржек изменил своё название, его большей частью по-прежнему населяют наши бывшие соотечественники, а тамошние жрицы сохранили старые связи. Кроме того, их знания касаются в первую очередь не медицины, а ментальной магии. И насколько я могу судить, это не только защита! Думаю, тебе будет небезынтересно перенять их опыт, особенно с учетом того, что ты испытала на себе.

К концу её монолога мне окончательно удалось совладать с собой.

– Вы правы, Матушка... Я никогда не забуду своего столкновения с колдуном, но дело ведь не только в моём обучении?

На этот вопрос Старшая лишь устало прикрыла глаза.

– Когда ты будешь лучше осознавать свои способности, Энейра, то и будущность твоя уже не будет скрыта таким мраком, и тебе легче станет найти свою дорогу. Кроме того, твоё

отсутствие охладит головы как Бжестрову, так и его другу – надеюсь, они перестанут нарушать покой Дельконы.

Что же, примерно это я и ожидала услышать!.. Поднявшись из кресла, я склонилась перед Матерью.

– Я могу идти, Матушка?

Старшая вновь слабо улыбнулась.

– Ступай. И начинай готовиться к отъезду. Уже сегодня я займусь письмами к Матери Ольжане!

Глава 2

Тёмные тропы

Олдер

Наведистив свои южные имения и едва не доведя тамошних управляющих до заикания повальной проверкой всего и вся, Олдер, решив, что соглядатаи Владыки уже получили достаточно пищи для донесений, наконец-то направился туда, куда поехал бы с самого начала, если бы был свободен в своих поступках и чувствах. «Серебряные Тополя» – его крейговское имение, его дом, выстроенный исключительно для себя и под себя, его маленькая личная крепость, в которой среди доверенных, уже не раз испытанных людей живет его сын...

Этим летом Дари так и не удалось вывезти к морю, которое ему так нравится, но ничего – в следующем году они с малышом все наверстают... Подумав об этом, Олдер тут же сердито тряхнул головой, не вовремя вспомнив, что то же самое он уже обещал сам себе в прошлом году и, значит, теперь задолжал Дари уже два лета...

А если уж совсем начистоту, то жизнь сына проходит как-то мимо него, да и лицо собственного ребенка он видит гораздо реже, чем рожи «Карающих», – служба Арвигену с каждым годом отнимала все больше времени и сил, которые, как выяснилось, отнюдь не бесконечны!..

Мысли о Владыке и, соответственно, о данном им поручении отнюдь не улучшали и так мрачноватого настроения Олдера – после всего произошедшего он чувствовал себя измотанным и опустошенным, почти стариком... А тут еще и последнюю треть пути ему пришлось совершать под зарядившими, словно бы назло, дождями. Дороги раскисли, намокшую, тяжёлую от грязи и впитавшейся влаги одежду едва удавалось отчистить и просушить за ночь...

Но последней каплей для Остена стали не унылые, насквозь пропитанные кухонным чадом, постоянные дворы, а ожидание парома – невзирая на уговоры слуг, Олдер не ушёл в укрытие, а провел несколько часов на продуваемом северным ветром берегу. Кутаясь от холодных дождевых капель в дорожный плащ, он неотрывно смотрел на грязно-серую, полную мусора воду, на тонущий в белесой мороси берег и чувствовал, как где-то глубоко внутри него начинает медленно вскипать ярость – вот так, капля за каплей, время и уходит, и для общения с сыном у него опять останется лишь жалкая горстка часов. Эта непонятная злость и привела, наконец, к тому, что, когда Олдер оказался на противоположной стороне, он отправился не на ближайший постоянный двор, чтобы хоть немного согреться и обсохнуть, а погнал коня по направлению к своему поместью. Немногочисленное сопровождение без слов последовало за ним – слуги уже успели на собственной шкуре убедиться, что лучше уж скачка под дождём и в грязи, чем мрачное, с каждой минутой растущее недовольство хозяина!..

Но, несмотря на бешеную скачку, в «Серебряные Тополя» Олдер все равно прибыл уже затемно – вестника впереди себя он не посылал, так что его приезд стал полной неожиданностью для обитателей имения. Остен же, глядя на закручивающуюся вокруг него

привычную людскую суету, лишь зубами скрипнул – сбросив вконец промокший и измарианный грязью плащ на руки одному из слуг, он оправил дорожную куртку из бурой шерсти и направился в комнаты к сыну.

Дари еще не спал – стоя на коленях, он, глядя на теплящуюся свечу, проговаривал под надзором Илара положенные вечерние молитвы.

– Да сохрани Мечник от стали и дарует победу, да верну... – на этом месте Дари на миг запнулся, но тут же поправился. Илар даже шикнуть на него не успел. – Да возвратятся войска с победой. Да благословит Седобородый их пути и подарит лёгкий жребий проливающим кровь за Амэн...

Застыв в тёмном дверном проёме, пока что не замеченный обитателями комнаты, Олдер неотрывно смотрел на сына. Дари не только ничуть не вырос за эти месяцы, но даже словно бы исхудал – тёмные глаза стали ещё больше, кожа на лице казалась совсем восковой, а затаенная в тёмную ткань фигура ребёнка выглядела ломкой и беззащитной. Олдер зло сжал челюсти: он, признанный всеми лучшим воином Амэна, на самом деле – непутёвый родитель и никчемный колдун, который даже не может...

– Папа?!! – Дари, словно бы почувствовав взгляд отца, обернулся – его лицо немедля осветилось радостью так, точно внутри у него ярко вспыхнула свеча.

– Господин! – Руки Илара мелко задрожали, а Олдер, шагнув в комнату, опустился на колени рядом с не успевшим ещё подняться со своего места сыном и продолжил чуть простуженным голосом:

– Да защитит Лучница их души от всего тёмного, да сбережёт Малика их домашних, ждущих возвращения защитников своих...

Когда же длинная молитва была закончена, Олдер поднялся с колен и обнял за плечи сразу прижавшегося к нему отпрыска.

– Ну, как тебе жилось в моё отсутствие, Дариен?

Дари поднял к родителю сияющее лицо.

– Всё хорошо... Я... Я так рад, что ты вернулся!

Дари хотел сказать ещё что-то, но его уже перебил Илар – справившись с минутным волнением, старик, служивший ещё отцу самого Олдера, принялся докладывать:

– Молодой господин всё это время был прилежен в обучении, но, к сожалению, часто болел. Мы с Роданом следим за тем, чтобы Дариен не пил холодную воду и не попадал на сквозняки, но это не слишком помогает. Прости нас...

Ненадолго смягчившиеся черты Олдера после услышанного вновь ожесточились и посуровели, но он, ответив старому слуге:

– Это не ваша вина, – ещё раз огладил сына по волосам и, наказав ему ложиться спать, вышел из комнаты.

Остаток вечера Олдер провел до утомительности обыденно: устроившись в старом кресле и вытянув ноги прямо к принесённой жаровне, он обстоятельно и не торопясь уничтожал содержимое принесённой из кухни миски. Разводить надлежащие церемонии за одинокой трапезой в обеденной зале Остену сейчас совершенно не хотелось, к тому же немедля заявившийся с докладом управляющий совершенно не портил ему аппетита. В отличие от других, он при виде внезапно нагрянувшего хозяина не краснел и не покрывался потом, а просто рассказывал всё как есть, тем более что и скрывать ему было особо нечего – Ирмир был прагматичен, честен и начисто лишён тяги к воровству, что, безусловно, делало ему честь. Именно за эти качества Олдер и предложил выходящему в отставку из-за возраста

заведующему обозом должность управляющего и ни разу не пожалел о своём решении...

Когда же с докладом было закончено, Олдер, отставив опустевшую миску, потянулся за вином. Плеснул немного себе, налил Ирмиру, прищурился, глядя на плещущееся в кубке вино.

— Твоё здоровье.

— С возвращением! — Поняв, что деловая часть их разговора была окончена, бывший воин разом опорожнил свой кубок и сказал: — Я понимаю, что лезу не в своё дело, но меня беспокоит Дариен.

Олдер поднял на Ирмира мгновенно отяжелевший взгляд.

— Тем, что болеет?

— Нет, глава, — по-военному отрапортовал Ирмир. — Тем, что тоскует, а тоска может высушить почище, чем болезнь. Илар и Родан преданны твоему сыну, как псы, но они слишком стары и не могут развлечь его. Может, выбрать пару сельских мальчишек, отмыть их как следует, и пусть они составят Дариену компанию для игр?

— Сельских? — Обдумывая неожиданное предложение управляющего, Олдер покрутил в руке свой всё ещё недопитый кубок. — Знатным невместно общение с простолюдинами, даже такое, но если это хоть немного развлечёт моего сына... — Приняв решение, Олдер опустошил кубок и вновь пристально взглянул на Ирмира. — Ты сам подберёшь из сельской ребятни наиболее подходящих. Если Илар, старый пень, вздумает возражать, скажешь, я приказал!.. А теперь — ступай...

Когда же ночь уже полностью вступила в свои права, смывший с себя дорожную грязь и уже переодетый в домашнее Олдер вновь наведился к Дари. Дремлющий при входе Илар, завидев пришедшего в столь поздний час хозяина, попытался встать и поприветствовать господина, но Остен остановил его едва заметным движением головы. Зайдя в спальню сына, Олдер прежде всего направился к столику у окна и положил на него принесенный под мышкой подарок, который привёз Дари из Милеста. Поколебался с минуту, но разворачивать не стал, а подошёл к кровати, устроился на самом краю.

Свеча в ночнике едва заметно мерцала, а сам Дари крепко спал — он натянул одеяло едва ли не на нос, так что напоказ были выставлены лишь тёмная взлохмаченная макушка да часть щеки. Олдер осторожно убрал с бледной скулы сына тёмные прядки. Он не был лекарем, но в своё время ему удалось вырвать сына из лап лесной лихорадки, хотя приглашённые к ребёнку врачи, как один, бляли что-то про смирение, волю богов и что сделать уже ничего невозможно... Ученые глупцы ошиблись — они вообще часто ошибаются. Правда, сам Олдер едва не сжёг себя и свой дар начисто, отдавая жизненные силы мечущемуся в бреду, задыхающемуся из-за страшно опухшего горла малышу. Но много ли стоят поседевшая голова и утраченная на три месяца способность к колдовству по сравнению с жизнью своего ребёнка?..

Вот только вытащить сына из-за грани, разделяющей миры живых и мертвых, оказалось проще, чем убрать отпечаток перенесённой им болезни: Дари плохо рос, простужался от малейшего сквозняка, да и сам его нрав заметно переменялся — мальчик стал задумчивым, тихим, каким-то нездешним...

Олдер же, глядя на своего странного отпрыска, испытывал не вполне естественный для благородного стыд за столь неудачное продолжение рода — уже сейчас было ясно, что воин из Дари при всём желании вряд ли получится, а значит, незыблемая традиция семьи Остенов будет прервана, — а какую-то щемящую нежность и бешеное желание оградить сына от

окружающей их жестокости бытия...

– Папа? – Погрузившийся в воспоминания Олдер поднял голову и увидел, что Дари больше не спит, а смотрит на него. Мальчик же сонно улыбнулся: – Теперь всё будет хорошо, папа... Моё морское око, помнишь?

Пытаясь понять, о чём пытается рассказать ему сын, Олдер чуть склонил голову.

– Помню. А что случилось, Дари? Ты потерял его?

– Нет. Я его не потерял, а отдал... – борясь с вновь подступившим сном, мальчик зевнул. – Ворону... Это был Седобородый...

– И как ты это узнал? – Вслушиваясь в едва слышный шёпот сына, Олдер оправил ему одеяло, потрепал по волосам. Дари сонно вздохнул:

– Этот ворон не мог быть никем иным... Ты мне веришь?

– Конечно, верю, – с самым серьёзным видом отвечив Олдер, и Дари, улыбнувшись, снова закрыл глаза. Спустя несколько мгновений он вновь крепко спал. Остен огладил укрытое одеялом плечо сына и улыбнулся – ну и фантазии у мальчишки!.. Ворон-Седобородый!.. Помнится, они с братом тоже сочиняли похожие байки и рассказывали друг другу страшные истории, но до такого, как Дари, они не додумывались...

Встав с кровати, Олдер вновь подошёл к окну и стал разворачивать принесённый подарок – установил на столе отполированную, разбитую на множество чёрно-белых клеток доску для игры в Крепость и принялся расставлять на ней литые серебряные фигурки: конники, пехотинцы, башни... Часть фигурок ярко блестит, часть – старательно вычернена, и все они проработаны с редким мастерством – детали доспехов воспроизведены в подробностях, в гривах коней можно разобрать каждый волосок, и даже лица у серебряных воинов разные – каждому присуще исключительно его, особое выражение... Роскошная, сказочно дорогая игрушка, которую раздобыл по его просьбе старый Иринд. Дари не просил о таком, он вообще, если вспомнить, никогда ни о чём не просил, но Олдер надеялся, что привезённый подарок придется сыну по вкусу.

Сам он в детстве о подобном даже мечтать не мог – отцу как младшему сыну досталось из состояния семьи всего ничего: два небольших имения. Одно – с очень скромным, по меркам амэнской аристократии, домом всего в ста шагах от моря, второе – в непролазной глуши... Впрочем, Олдер не чувствовал себя ущемлённым – для счастья ему тогда вполне хватало неба над головою, тенистых рощ и моря с узкой полоской отмели. Кажется, это было только вчера, хотя на самом деле с той поры прошла целая жизнь.

Двадцать пять лет назад

Олиния Остен с самого утра была не в настроении, и весть о прибытии с лаконской границы мужа женщину совсем не обрадовала – лучше бы он, возвратясь из медвежьей глуши, не рвался так сразу в их уединённое имение, а решил бы погостить в Милесте у брата. Заодно вызвал бы её вместе с сыном в город. Так уже бывало, и не раз, так что же теперь помешало Гирмару устроить ей этот маленький праздник? Тем более что он бы ему ничего не стоил, да и Олдеру будет полезно общество Дорина, а то мальчишка здесь уже совсем одичал. Свежий, не несущий миазмов из Припортового квартала воздух, конечно же, полезен для здоровья, да и вид на море, безусловно, красив – но не тогда, когда ты любишь им чуть ли не круглый год, а Олинии он уже и вовсе опротивел. Она с детства привыкла к

оживленному, многоголосому Милесту и шумным визитам закадычных подруг, а потому так до конца и не свыклась с загородным уединением и его однообразным ритмом.

Никто не спорит – из-за стремительного обнищания семьи её брак с Гирмаром Остеном уже был настоящей удачей, да и в доставшейся ей после замужества вотчине она была полноправной и единственной хозяйкой, вот только круг интересов Олинии был довольно узок, а с тех пор как три года назад умерла её единственная дочь, женщине стало некого нежить и голубить. Её младший сын умер вскоре после рождения – ему даже не успели дать имя, а Олдер совершенно не нуждался в материнских нежностях, день-деньской пропадая то у моря, то в окружающих имение густых рощах и виноградниках. В своё время Гирмар обломал о своего отпрыска немало розог, пытаясь втолковать ему, что с ребятнёй из ближайшей деревни нельзя не только играть, но и общаться: хорошие хозяева не позволяют себе панибратские отношения со слугами, ведь последних это развращает, делая ленивыми и непокорными.

Отцовские наставления в конце концов помогли – Олдер прекратил водиться с сельскими сорванцами, но и дома он сидеть не стал. Беспокойная горячая кровь Остенов требовала выхода, и Олдер то нырял в море со скалы, то взбирался на деревья, нещадно потроша птичьи гнёзда, то устраивал ловушки возле лисьих нор... Таким вот занятиям он и посвящал все свои дни, возвращаясь домой лишь для того, чтобы поесть, – сожженный солнцем до черноты, взлохмаченный, с исцарапанными руками и шелушащейся обветренной кожей на лице...

Олиния, конечно же, любила своего первенца – с одной стороны, ей было грустно, что сын потихоньку отдаляется от неё, но в то же время где-то в глубине души она радовалась тому, что беспокойный и дикий отпрыск не стремится попасть в её комнаты и порушить своим стремительным появлением раз и навсегда установленный порядок, одним махом сметя с полок многочисленные, милые женскому сердцу безделушки.

Образовавшуюся в душе Олинии пустоту мог бы заполнить ещё один ребёнок, но тут-то и крылась главная проблема. Она была ещё достаточно молода, но супружеские ласки, несмотря на все старания мужа, казались ей обременительными, а беременность зачастую обращалась для Олинии в девятимесячный кошмар – тошнота, отёки, боли в спине... В общем, когда после последних, не слишком удачных, родов лекари посоветовали супругам на время воздержаться от постельных утех, Олиния, что называется, вздохнула полной грудью, тем более что Гирмар не стал спорить ни с лекарями, ни с ней – в конце концов, наследник у него уже был, так что теперь супруги встречались в спальне крайне редко.

Чаще всего такие встречи происходили как раз после возвращения мужа из походов, так что и в этот раз Олиния, отдав необходимые распоряжения по дому, занялась собой – положение, как говорится, обязывает, – а ещё через пару часов она уже придирчиво изучала своё отражение в большом металлическом зеркале. Зрелое, но не расплывшееся тело, высокая грудь, несколько надменное красивое лицо с хорошей золотисто-смуглой кожей, намечающиеся морщинки возле глаз умело замаскированы пудрой и тенями, иссиня-чёрные волосы уложены почти что в идеальные локоны... Ещё раз внимательно осмотрев себя, Олиния решила сменить серьги и ожерелье, а когда с последними штрихами было покончено, муж уже подъезжал к входу в дом.

Еще раз коснувшись зазвеневшей под пальцами длиной серьги с крошечными подвесками, Олиния спустилась из своих комнат во внутренний двор. Ей хватило всего одного взгляда по сторонам, чтобы убедиться – Олдера в доме нет. Сорванец, видно, удрал к

морю или в рощи ещё на заре и в своих скитаниях забрался так далеко, что отправленная за ним прислуга вернулась ни с чем. Между изогнутых, точно крейговские луки, тщательно подведённых бровей Олинии пролегла некрасивая глубокая складочка, но уже через миг морщинка разгладилась. Она накажет виновных, но позже, не теперь. Грациозно поправив спускающийся на плечо тёмный локон, женщина прошла вперёд и встала перед уже выстроившейся в ряды вышколенной прислугой.

К этому моменту в коридоре послышались уверенные, по-военному чёткие шаги мужа, а ещё через миг Гирмар вышел из полумрака передней под заливающие внутренний двор солнечные лучи. Как и все Остены, он был высок и бронзово-смугл, а строгая воинская одежда удивительно ему шла, подчеркивая широкие плечи и поджарый живот. В поединке с возрастом Гирмар пока что одерживал уверенную победу – в его чёрных, точно смоль, волосах только-только начали появляться белые нити, а худое лицо казалось удивительно моложавым. Особенно когда он улыбался... Олиния даже иногда завидовала этой показной молодости мужа, за которую он, в отличие от своей супруги, никак и не боролся. Впрочем, его лицо не испортили бы и морщины – Олиния порой и сама удивлялась тому, что чуть резковатый, действительно мужественный облик Гирмара всегда оставлял её равнодушной...

Женщина сделала шаг вперёд, раздвинув губы в заученной улыбке:

– Слуги и я рады приветствовать тебя. С возвращением!

– Все ли благополучны? – На лице услышавшего приветствие Гирмара мгновенно расцвела ответная, явно не наигранная улыбка.

– Все. Предки и Семёрка хранили нас в твоё отсутствие.

– Вот и славно. – Гирмар тряхнул головой и, повернувшись в сторону коридора, произнёс: – Ну же, Дариен, иди сюда и поздоровайся со всеми!

Когда названный Дариеном мальчишка послушно шагнул к Олинии, та словно бы оглохла на мгновение, а её улыбка точно примерзла к мгновенно занемевшим губам. Ей было достаточно одного мига, чтобы разглядеть в подошедшем к ней ребёнке удивительное смешение типично остеновских и явно лаконских черт. На вид мальчишка был лишь на пару лет младше Олдера, а это значило, что Гирмар завёл себе девку на стороне еще в ту пору, когда она носила под сердцем дочь... А теперь ещё и приволок плоды своих постельных утех сюда, в её дом, – точно в лицо плюнул, выставляя на посмешище перед слугами... За что???

– Олиния, я уверен, что Дариен станет для тебя почтительным и преданным сыном... – Голос Гирмара доносился до Олинии словно бы издалека – мир выцвел, утратив краски и глубину. Ей хотелось закричать, заплакать навзрыд злыми слезами, но вместо этого она лишь глубоко вздохнула и спросила:

– А что случилось с его родными?

Гирмар мгновенно прекратил улыбаться.

– Мать Дариена скончалась от лихорадки два месяца назад. Не мог же я оставить его одного...

– Папа! – возглас ворвавшегося во двор, запыхавшегося от долгого бега Олдера заставил обернуться как Олинию, так и Гирмара, и женщина, мысленно сравнив своего отпрыска и привезённого мужем выbledка, едва не застонала. С облупленным носом и слипшимися от купания в морской воде волосами, покрытый пылью Олдер гораздо меньше смахивал на потомка благородной крови, чем тонкий, с глазами, словно у оленёнка, Дариен... Его мать отмерила сыну изрядную долю своей красоты – из-за неё со временем Дариен может занять в сердце Гирмара место его законного сына... Подумав об этом, Олиния взглянула на

привезённого мужем мальчишку так, точно он был болотной гадюкой, которую она неожиданно обнаружила в собственной постели...

Гирмар же, в отличие от безмолвствующей жены, времени зря не терял. Шагнув к старшему сыну, он крепко его обнял, потом, чуть отстранив от себя, окинул отпрыска быстрым взглядом.

– Ты сильно вырос за время моего отсутствия... Кстати, почему ты опоздал, Олдер?

Мальчишка тряхнул головой – в точности так, как это обычно делал отец, и тут же запустил пальцы в тёмные волосы.

– Я на Белой Скале был и еще оттуда тебя заметил, но ведь от неё до дома напрямиком не добраться.

Гирмар, услышав такой исчерпывающий ответ, улыбнулся.

– Прыгал?

– Да.

– Когда я был таким же, как ты, то тоже любил это место. Ты ведь покажешь его Дариену?

– Покажу, а он к нам надолго? – Пропустивший большую часть встречи Олдер заинтересованно взглянул на незнакомого ему прежде сверстника.

– Навсегда. Он твой брат, и, думаю, ты поможешь ему здесь освоиться...

Что ж, с этим заявлением Гирмар не ошибся. Олдер наградил новоявленного брата быстрым взглядом и согласно кивнул головой.

– Конечно, папа.

Олиния, услышав ответ сына, зло выдохнула сквозь зубы, и Гирмар немедленно повернулся к ней. Прошептал едва слышно:

– Вечером поговорим, наедине... – а потом подал руку, и супружеская чета Остенов отправилась обедать.

Показав новоявленному брату его комнаты и немного рассказав о здешнем житье-бытье, Олдер посчитал свои обязанности радушного хозяина вполне выполненными, тем более что Дариен говорил мало, невпопад и явно хотел остаться один. Что ж, у Олдера хватало и других забот – оставив мальчишку в таком желанном для него одиночестве, малолетний Остен отправился на псарню, где его ожидал привезённый отцом подарок – щенок боевого грандомского пса. Эти закованные в сталь зверюги сопровождали воинов в сражениях и отличались силой, свирепостью и злобой. Грандомских собак покупали охотно и за хорошие деньги, так что встретить их можно было по всему Ирию. Правда, остальные ирийцы, в отличие от грандомовцев, использовали этих псов как охранников, а в Амэне они чаще всего натаскивались на охоту за беглыми полувольными. Олдер видел такую собаку у дяди, когда они гостили у него в Милесте, – большой и необычайно умный пёс охранял дом. С тех пор прошло два года, и лишь теперь долгожданная мечта стала явью.

Вот только молочный кутёнок не был ни умным, ни свирепым. Скорее – жалким. Эдакое недоразумение на разъезжающих лапах и с палевой сморщенной шкурой, жалобно пища, тыкалось мокрым носом в ладони Олдера. С трудом верилось, что через год из щенка вырастет большой и сильный зверь, способный одним лишь сжатием челюстей переломить руку взрослому человеку.

– Не сумлевайтесь, молодой хозяин. Это настоящий грандомовский пёс и есть. – Увидев на лице глядящего щенка Олдера вполне законное недоумение, смотрящий за собаками Ридо

тут же решил развеять все сомнения мальчишки. – Гляньте, какая шкура складчатая и морда тупая, а умные люди таких собак всегда несмышлеными кутятами покупают, чтоб, значит, щенки нового хозяина с самого нежного возраста знали.

Олдер согласно кивнул головой и еще долго возился со щенком, устраивая ему постель и кормя молоком под присмотром Ридо. Когда же кутёнок уснул, мальчишка отправился на розыски отца – ему не терпелось расспросить его о походе. Вот только во внутреннем дворике отдыхающего отца не было видно, в отведённых ему комнатах – тоже, но зато из покоев матери доносились приглушённые голоса сразу обоих родителей, и Олдер решил наведаться туда – всё равно ведь не спят!..

Но первые же услышанные им слова Олинии заставили мальчишку застыть возле неплотно прикрытой двери. Он знал, что родители иногда не ладят между собою, но до серьёзных размолвок у них до сего дня никогда не доходило... Олдер приник к косяку – в узкую щель он видел сидящего в кресле отца и стоящую перед ним, нервно комкающую в руках платок мать.

– Меня никогда не интересовало, с кем ты проводишь время на стороне, Гирмар. Я не искала, не ревновала, не пыталась узнать имя... Так зачем же теперь ты притаскиваешь сюда этого выблядка?

– Я же говорил тебе. Мать Дариена умерла, и я не захотел оставлять его с чужими людьми – он вполне заслужил дом. – Хотя голос отвечающего Гирмара всё ещё был спокоен, в нём уже проскальзывали металлические ноты. – И он не выблядок – пусть и рождённый вне брака, но он мой сын!

Олиния тряхнула головой, её лицо пылало гневом:

– Которого ты прижил от какой-то отрядной шлюхи, кувыркаясь с ней на соломе под телегами! – Выкрикнув эти слова, Олиния прижала к губам дрожащие пальцы с платком и отвернулась, караулящий за дверью Олдер потрясённо вздохнул, а по-прежнему сидящий в кресле Гирмар чуть подался вперёд и холодно заметил:

– Сколько страсти, Олиния!.. За все годы нашего супружества ты не радовала меня и десятой долей высказанных тобою сейчас чувств... Любовницы нужны мне были хотя бы для того, чтобы убедиться в своей состоятельности как мужчины.

От жестоких слов мужа Олиния выпрямилась, её лицо побелело.

– То есть ты теперь мстишь мне, Гирмар? Мстишь за то, что, по твоим словам, я была тебе плохой женой?

Гирмар отрицательно качнул головой:

– О мести не может быть и речи – мы слишком разные, Олиния, и всегда такими были. Тут ничего не поделаешь, но у Вейоны я находил то, чего был лишён здесь. И она не была ни шлюхой, ни рабыней. Когда мы взяли лаконский Ольз, она пришла просить о помиловании своего деда – выживший из ума старик решил пророчествовать на площади. Я сохранил ему жизнь, но условием помилования поставил то, что Вейона оставит Ольз и станет делить со мною и быт, и постель.

– И ты говоришь об этом так... Точно... – не найдя подходящих слов, Олиния отвернулась к окну – в это мгновение она казалась особенно слабой и незащищенной. Гирмар, похоже, почувствовал ее растерянность. Он встал из кресла и, подойдя к жене, притянул её к себе за плечи.

– Пойми, Олиния, Дариен – моя кровь, и я не хочу держать его где-то на задворках. Олдеру будет полезно его общество. Они наверняка подружатся, а Дариен – спокойный,

усидчивый мальчик. Глядя на него, и Олдер будет более прилежен в учебе. К тому же когда они оба вырастут и станут на военную стезю, как истинные Остены, им двоим особенно понадобится тот, на кого можно рассчитывать больше, чем на себя. Тот, кто прикроет спину... Это очень важно, Олиния.

Теперь Гирмар говорил мягко, почти что примирительно, но Олиния, отстранившись от мужа, лишь сухо заметила:

– Оставь меня, Гирмар.

Рука мужа тут же соскользнула с её плеча.

– Как хочешь, Олиния, но своего решения я не изменю, – тихо произнёс он и направился к двери. Олдер едва успел спрятаться в одной из ниш.

Волнение, вызванное возвращением под родной кров Гирмара, быстро сошло на нет, и жизнь в поместье вошла в привычную колею. Семейные обеды, неспешные беседы родителей за столом. Ни Гирмар, ни Олиния, судя по всему, не возвращались более к нечаянно подслушанному Олдером разговору, но во время семейных трапез Олиния смотрела на Дариена как на пустое место, а тот, в свою очередь, и вовсе не поднимал глаз от стола. Олдер же, отдавая должное еде, украдкой наблюдал за всеми и за единокровным братом – особо. Спор родителей смутил его, и мальчишка не знал, на чью сторону стать, – отца он обожал, но и мать ему было жалко. Поэтому Олдер держался с Дариеном немного отстранённо и в то же время – внимательно: по поведению нежданного брата мальчишка стремился разгадать, кто из родителей всё-таки прав, вот только понять мысли и стремления Дариена было непросто. Он, словно бы чувствуя всю двусмысленность своего положения, старался держаться в тени и никому не лез на глаза, проводя большую часть времени то в выделенной ему комнате, то в самых укромных уголках примыкающего к поместью сада. А еще он почти всё время молчал...

В этом Олдер уже успел убедиться на собственном опыте – пару раз он по просьбе отца брал Дариена с собою, когда направлялся к морю. Брат неплохо плавал и нырял, но за все проведённые вместе часы Олдер едва ли слышал от него более десятка слов. Что ж, сам он в друзья тоже не набивался, а потому даже не пытался разговаривать с Дариеном. Решил же все, как это обычно и бывает, случай.

Каждый день Олдер заходил на псарню, где подолгу возился с подаренным ему щенком, которого, поразмыслив, нарек Туманом за цвет шкуры. По совету Ридо, Олдер старался как можно крепче привязать к себе кутёнка: кормил его с рук, гладил, менял подстилку – эти хлопоты нисколько не утомляли мальчишку. Скорее даже наоборот – были в радость, и обычно он покидал псарню в великолепном расположении духа. В этот же раз, выйдя на задний двор, Олдер стал свидетелем того, как возвращающийся из сада Дариен столкнулся в дверях чёрного хода с одним из слуг – верзилой и грубияном Калистом. Дариен лишь слегка зацепил его плечом – этот толчок не смог бы повредить даже кошке, но в тот же миг Калист, громко выругавшись, ударил мальчишку. Тот упал с крыльца в пыль, не издав и звука, а когда поднялся, то стало видно, что из его нижней губы, разбитой ударом, обильно течет кровь. Слуга же тем временем, сойдя с крыльца, зло сказал:

– В следующий раз смотри, куда прёшь!.. Впрочем, надеюсь, этого не будет, и наш хозяин вскоре отошлёт тебя туда, откуда и притащил.

Дариен ничего не ответил – стерев ладонью заливающую подбородок кровь, он вновь попытался войти в дом и, лишь когда явно набравшийся вина Калист заметил:

– Что, доносить пошел на меня, выблядок? – соизволил повернуться к здоровяку и тихо сказать:

– Я не доносчик!

Произнеся это, Дариен вновь отвернулся, но Калист не успел ему в ответ и слова сказать, так как Олдер, сделав из увиденного чёткие и не поддающиеся сомнению выводы, коршуном напал на слишком много возомнившего о себе слугу.

– Как ты смеешь! – Звонкий, протестующий голос мальчишки разнёсся по всему двору. Калист даже попятился от такого напора – несмотря на винные пары, он понял, что сотворил явно что-то не то, и тут же попытался оправдаться:

– Не серчайте, молодой хозяин! Я лишь проучить его слегка хотел...

– Он мой брат, а ты поднял на него руку! – Олдера буквально трясло от злости, и он с силой сжал кулаки. – Кнута захотел?! Так отец это тебе устроит!!!

Багровая физиономия Калиста как-то сразу поблёлкла, почти посерела. Похоже, он совершенно не рассчитывал на то, что его поступок вызовет такое негодование у старшего и законного господского сына... Слуга судорожно вздохнул и в который раз попытался оправдаться:

– Да какой он вам брат, молодой господин! Приблуда он, так все говорят!

Олдер же лишь ещё больше насел на Калиста и прошипел, точно дикий кот:

– Кто – все? Отвечай!

Калист же, которому отнюдь не светило отдуваться за кухонные сплетни в одиночку, немедленно зачастил:

– Дык, все в людской говорят... Мол, Дариен этот – приблуда. Через месяц-два ваш батюшка отправит его отсюда куда подальше – чтоб ни вам, ни госпоже Олинии глаза не мозолил...

– Вот, значит, как... – Олдер зло выдохнул и недобро, по-отцовски, прищурившись, посмотрел на Калиста.

– А с каких пор слуги стали обсуждать действия хозяев?.. Это не вашего ума дело, Калист, и я обо всём расскажу отцу! – Тут Олдер отвернулся от Калиста и, подойдя к молча взирающему на эту сцену Дариену, произнёс: – Пойдём к морю...

Дариен в ответ лишь согласно кивнул головой...

Олдер действительно привёл брата к морю – но не на отмель, а в своё самое любимое место – туда, где срывающийся со скал ручей образовывал небольшой водопад. Смочив платок в ледяной воде, Олдер протянул его Дариену.

– На, приложи к губе, а то опухнет... – и, устроившись на одном из нагретых летним солнцем валунов, сказал: – Не позволяй слугам так обращаться с собой! Ты – мой брат, и они не смеют даже косо взглянуть в твою сторону.

Дариен, приложив мокрую ткань к губе, устроился на соседнем камне, грустно вздохнул.

– Брат, но незаконный... Если бы я мог, то и не появлялся бы здесь никогда...

Олдер нахмурил брови:

– Почему?

Дариен пожал плечами...

– Думаешь, я не понимаю... Твоя мать меня терпеть не может, и я здесь чужой...

Олдер чуть склонил голову к левому плечу, задумчиво взглянул на Дариена.

– А отец?

Этот вроде бы простой вопрос заставил Дариена серьезно призадуматься. Но через пару минут он всё же сказал:

– Я его не знаю. Почти...

Олдер поёрзал на своём валуне:

– Как так? Разве он не навещал тебя?

– Навещал... – Дари снова вздохнул. – Иногда... Мы с матерью жили в маленьком доме в деревне, а он приезжал, привозил матери деньги на обзаведение, ворчал, что она копается в земле на огороде, хотя в этом нет нужды... Проводил в доме несколько дней и снова уезжал.

– Ясно... – Олдер почувствовал, как всколыхнувшаяся в нём на мгновение ревность угасла без следа. Сводный брат видел отца не чаще, а то и реже, чем он сам... А Дариен между тем продолжал рассказывать:

– Знаешь, моя мама... Она не любила сидеть без дела. Всегда чем-нибудь занималась, а во время работы – пела... Красиво очень, только грустно... Я её готов был целый день слушать, да и отец, когда навещал нас, всегда просил её спеть для него: особенно ему нравилась одна баллада – лаконская. В ней рассказывалось про то, как девушка обещала дожидаться уезжавшего на войну ратника, но, не сдержав своего слова, вскоре стала невестой другого, а погибший воин, став слугою Седобородого, пришёл к ней на свадьбу... А ещё отец любил пирожки, которые мама делала...

– Ну, у нас никто лаконских песен не знает, да и стряпает только прислуга. – Олдер поудобнее устроился на валуне и как можно более уверенно заявил: – Всё еще образуется – вот увидишь...

В тот день они переговорили, казалось, обо всём на свете – так долго молчавший Дариен наконец-то высказал всё, что накопилось у него на душе, а Олдер в ответ поведал ему о своих радостях и печалях. В имение мальчишки вернулись вместе и с тех пор стали закадычными друзьями. То ли из-за этого, то ли из-за примерного наказания Калиста шепотки за спиной Дариена на время утихли, вот только совсем уж спокойным житьё братьев так и не стало. Олинии их неожиданная дружба была точно соль на рану, и когда Гирмар уехал из имения по делам, мать тут же вызвала сына на разговор...

Честно сказать, Олдер не очень любил бывать у матери: всюду, куда ни повернись, либо цветы в дорогих вазах, либо хрупкие безделушки, готовые свалиться со своих мест от малейшего неосторожного движения. Мальчишка, способный пройти по узкой скальной тропе с закрытыми глазами и вскарабкивавшийся на деревья, точно заправская белка, в покоях матери чувствовал себя скованным и неуклюжим. Не приведи Семерка, что-нибудь перевернёшь! Мать, конечно, не будет ругаться, но целый день будет ходить с таким расстроенным лицом, что...

Впрочем, войдя к Олинии, мальчишка, взглянув на неё, сразу же понял – такого лица он у матери ещё никогда не видел. Напряженное, застывшее, словно маска! Олиния сидела в кресле, неестественно выпрямившись, и теребила в пальцах уже весьма измятый платок. Взглянув на сына, она попыталась улыбнуться, но улыбка вышла вымученной и почти мгновенно угасла. Олдер замер перед матерью, так и не дойдя до кресла нескольких шагов, а Олиния вздохнула и произнесла:

– В последнее время ты ведешь себя очень неразумно, сын. Тебе не стоит так тесно общаться с Дариеном.

Мальчишка чуть склонил голову к левому плечу, задумчиво взглянул на мать:

– Почему? Отец ведь не против!

Олиния тяжело вздохнула:

– Твой отец слеп и не видит того, что вижу я. Дариен – двуличная и лживая тварь, такой же, как и его мать! Дружба с тобой нужна ему лишь для того, чтобы приблизиться к отцу.

Олдер нахмурился. Со словами матери он был не согласен, но, припомнив не так давно подслушанный разговор родителей, возразил:

– Это не так, мам. Дариен вообще не умеет врать – если бы ты с ним поговорила, ты бы сама убедилась.

В ответ на такое предложение Олиния лишь фыркнула, точно разъярённая кошка:

– Мне смотреть на него противно, не то что говорить!.. Но я и без всяких бесед знаю, что такое Дариен! Пойми, Олдер, этот выродок не может тебе быть ни другом, ни братом. Он наверняка умолял твоего отца привезти его сюда, а приятельствует с тобою лишь для того, чтобы, получше узнав Гирмара, стать его любимцем. Ты и охнуть не успеешь, как этот выbleдок отберёт у тебя внимание отца и станет первым, а ты, законный и старший, окажешься в стороне!

Последние слова мать почти что прошипела, а Олдер, слушая ее, не мог поверить собственным ушам. Дариен никак не подходил на ту роль, что выдумала ему Олиния, которая видела брата, словно в кривом зеркале. Более того, она была глуха к любым возражениям, но Олдер всё же попытался:

– Всё не так, мам. Ты ошибаешься. Дариен совсем не такой, как ты вообразила... И не он со мной пытался подружиться, а я с ним!

Впрочем, это его возражение ни к чему не привело. Олиния, скорбно покачав головой, вздохнула:

– Ты, сын, слишком мал, чтобы понять, но я же вижу... Просто пообещай мне, что больше не будешь водиться с Дариеном. Я ведь не о многом прошу!

– Нет! – Олдер вскинул голову, блеснул глазами. – Он мой брат и друг, что бы ты, мама, ни думала!

– Олдер! – громкий выкрик Олинии мальчишка оставил без внимания. Чуть склонив голову, как и полагается почтительному сыну, он покинул комнаты матери, ни разу не обернувшись.

Что ж, в этот раз Олиния осталась ни с чем. Разговор с сыном ни к чему не привел, а вскоре в имение вернулся Гирмар. При муже Олиния не решалась на какие-либо действия и могла лишь молча наблюдать за тем, как Дариен и Олдер убегают вдвоем к морю, возьмется со щенком или, сидя за одним столом, усердно скрипят перьями в тетрадах под руководством привезенного мужем учителя.

Гирмару же такая дружба отпрысков была по вкусу, и он старался укрепить ее, равно деля внимание между сыновьями и тем самым сводя на нет самую возможность их соперничества. За похвалой Олдеру немедля следовало и ласковое слово для Дариена, да и на конные прогулки Гирмар всегда брал сразу двоих своих отпрысков.

Уже вскоре мальчишки стали действительно неразлучны, и Гирмар отбыл в очередной поход в твердой уверенности, что в его доме все тихо и благополучно, ведь Олиния, казалось, смирилась с жизнью Дариена в имении и если и не приняла мальчишку, то вполне с ним стерпелась, а большего и желать нельзя. В конце концов, от неё никто не требовал нянчиться с Дариеном и рассказывать ему сказки на ночь – он как раз вступал в возраст, в котором женская опека уже и не особо нужна, а требуется мужское воспитание. Подходящего же наставника Остен нашел...

На самом деле Гирмар ошибался, причем сразу в двух случаях. Внешнее смирение Олинии отнюдь не означало внутреннего, а наставник его сыновей не на шутку влюбился в хозяйку имения.

Не было тут ни приворотных зелий, ни кокетства со стороны Олинии. Она как раз на молодого учителя даже не смотрела, а вот Райген с нее глаз не сводил, совершенно позабыв и о том, что мать обучаемых им мальчишек старше его на пятнадцать лет, и о том, что она чужая жена. Ее холодноватая, чуть надменная красота оказала на него прямо-таки магическое воздействие, и Райген был сражен наповал. Почему? Возможно, он был слишком избалован вниманием легкодоступных девиц, и потому ледяная отчужденность Олинии показалась ему верхом совершенства, а может, и сами Аркосские демоны решили внести в человеческие страсти свою очередную лепту.

Как бы то ни было, молодой, но уже успевший как повоевать в качестве отрядного алхимика, так и поучительствовать мужчина угодил в силок там, где и сам этого не ожидал. Разумеется, ни о каких постельных утехах и речи не было. Также не было ни попыток уединиться, ни даже самых легких прикосновений. Зато были разговоры: вызнав из сплетен прислуги о том, что Олиния сильно скучает по Милесту, Райген, рассказывая ей об учебе своих подопечных, стал заодно выкладывать и городские новости и слухи, а отлучаясь в Милест, он всегда возвращался с какой-либо безделицей для хозяйки имения. Всё чинно и благородно – ни один блюститель морали не нашёл бы, к чему здесь придраться... Олиния же, поначалу не обращавшая на Райгена внимания, всё же каким-то внутренним чутьём угадала, что обрела в нём поклонника, но повода для дальнейшего сближения не давала, став ещё более отстранённой и холодной, что, впрочем, лишь сильнее распалило чувства Райгена.

К этому времени Олиния уже хорошо знала, кто из прислуги не особо любит Дариена. При муже, особенно после наказания Калиста, никто из таких недоброжелателей и пикнуть бы не посмел, но в отсутствие Гирмара и при молчаливом попустительстве хозяйки они вновь подняли головы. Укусить ведь можно не только в открытую, но и исподтишка, и не менее больно!..

Вот так, исподволь, в доме и началась новая травля Дариена – почти что незаметная, мелочная и жестокая. Олдер, чувствуя, откуда ветер дует, пытался защитить брата в меру сил, но тут он мало что мог сделать. Слугами распоряжалась Олиния, а она на возмущенные протесты отпрыска лишь чуть удивлённо поднимала брови или говорила: «Позже разберусь». Стоит ли добавлять, что это «позже» не наступало никогда... Только Райген внешне никак не проявлял своего отношения к ученикам, оставаясь для них лишь строгим воспитателем – его время попросту ещё не пришло...

Гирмар отсутствовал около восьми месяцев, а вернувшись, сразу почувствовал произошедшие за это время изменения. Побледневший, осунувшийся Дариен. Помрачевший Олдер... Расспросив сыновей, Гирмар из недомолвок Дариена и разгневанного шипения Олдера быстро понял, что происходило в его отсутствие, и этим же вечером поговорил с Олинией – это был нехороший и долгий разговор, и прошёл он за плотно закрытыми дверями. После этой отнюдь не приятной для обеих сторон беседы Гирмар не остался у супруги, а ушёл отдыхать в свои комнаты, Олиния же спустилась на первый этаж и вышла в сад – спать она не могла из-за переполнявшей её обиды и унижения. Еще бы! В этот раз Гирмар, выясняя отношения, впервые опустился до воинской ругани, обзавая её, венчанную жену, глупой сукой... И все из-за кого? Из-за прижитого им на стороне отродья. Которое ей из-за прихоти мужа приходится видеть каждый день!

Заполонившая душу горечь уже готова была пролиться обильными слезами: Олиния всхлипнула, поднесла к глазам платок, и в тот же миг откуда-то сбоку раздался голос: «Госпожа огорчена?», а из тени, отбрасываемой стеной, к Олинии шагнул невесть как оказавшийся в саду Райген...

В этот раз женщина не стала думать о приличиях и противиться охватившим её чувствам: прижавшись к груди своего поклонника, она выплакивала скопившуюся обиду и жаловалась на несправедливую жестокость мужа и коварство приведённого в дом ублюдка, а Райген, оглаживая её тёмные локоны, шептал, что скоро Дариен исчезнет из имения, и всё станет на свои места...

А ещё через двадцать дней Гирмару пришло приглашение от брата – он звал его со всею семьёй в Милест, чтобы совместно встретить грядущий праздник. Поскольку все дела в имении были улажены, Гирмар ответил согласием, и ещё пара дней ушла на сборы и неизбежные в таких случаях хлопоты. Изрядную долю хаоса в создавшееся оживление вносил, конечно же, Олдер, в предвкушении поездки носившийся по всему имению, точно смерч, и, ни Райген, ни отец, ни более спокойный и обстоятельный Дариен ничего не могли с этим поделать.

Утро отъезда было ясным и чуть-чуть морозным: на пожухлой траве лежал иней, холодный воздух чуть покалывал кожу на лице. Олдер, уже весь в предвкушении вот-вот готовой начаться поездки, взглянул на дорогу, на уже устроившегося в седле отца, но потом взгляд мальчишки упал на подведённых ему и Дариену коней, и хорошее настроение Олдера как ветром сдуло. Мало того, что Дариену, который держался в седле несколько хуже брата, подвели Белолобого – коня хоть и хорошо выезженного, но довольно норовистого, так ещё и сбруя на нём была попроще, чем у предназначавшегося Олдеру жеребца...

Подобное уже было – то во время семейного обеда неожиданно выяснялось, что Дариену досталась пересоленная еда или тарелка из людской, то его вещи оказывались плохо выстиранными... А мать каждый раз притворно удивлялась небрежению слуг и заверяла сына, что это всё случайность.

Олдер надеялся, что с возвращением отца все эти «случайности» наконец-то сойдут на нет, но мать, похоже, снова взялась за своё – даже отца не побоялась! Мальчишка, бросив быстрый взгляд на Гирмара, убедился в том, что тот, отдавая последние наставления остающимся в усадьбе слугам, не заметил подмены, и решительно тряхнул головой – оставлять очередную маленькую подлость без внимания он был не намерен!

– Постой! На Белолобом поеду я! – Шагнув к брату, Олдер перехватил узду у уже готового сесть в седло Дариена, а тот, взглянув на хмурящегося брата, слегка качнул головой:

– Я справлюсь. Не стоит, Олдер...

Но тот лишь ещё больше нахмурился.

– Стоит! Пусть видят, что у нас всё поровну!

Решительно отодвинув Дариена от лошадиного бока, Олдер взглянул в сторону устроившейся в носилках матери и замер – Олиния, поднеся дрожащие пальцы к губам, смотрела на него широко раскрытыми, полными ужасами глазами.

Мальчишка, не понимая внезапного страха матери, чуть качнул головой, но уже в следующий миг отвернулся от Олинии и заскочил в седло Белолобого. Едва Олдер вдвёл ноги в стремяна, как конь под ним с громким болезненным ржанием встал на дыбы. Олдер сумел удержаться в седле, но Белолобый под ним словно взбесился – с диким ржанием он то

вставал на дыбы, то прыгал козлом, норовя скинуть с себя всадника. Потерявший повод, судорожно вцепившийся в переднюю луку мальчишка слышал сквозь истощенное конское ржание крик Дариена, испуганный и сердитый голос отца, но разобрать, что он говорит, никак не получалось. Все силы и внимание уходили на то, чтобы при очередном кульбите Белолобого не вылететь из седла, и Олдер держался... Ровно до тех пор, пока неожиданно не лопнула подпруга, и он не упал прямо под копыта непонятно отчего ошалевшего коня.

Встреча с землёй ознаменовалась дикой болью и громким хрустом где-то в плече, а ещё через миг тяжёлое конское копыто ударило его в лопатку. Снова хруст и боль. Не помня себя, мальчишка рванулся вбок, перекатился по замёрзшей земле. И почти в тот же миг кто-то кинулся к нему, оказался рядом.

– Олдер! – схватив брата за плечи, Дариен прикрыл его собой, а тот, вцепившись ему в руку, потерял сознание.

...Когда Гирмар увидел, как его сын падает прямо под копыта взбесившемуся коню, внутри у него точно что-то оборвалось. Он шагнул вперёд, собирая волю в кулак, отдавая запаниковавшим слугам приказы, а внутри у него с каждым мгновением росла холодная, чёрная пустота... Белолобого удалось успокоить, закрывший собою брата Дариен не пострадал, да и сам Олдер был хоть и без сознания, но жив... Но Гирмар, двигаясь с резкостью механической игрушки, не остался подле сыновей и не подошёл к бьющейся в истерике на руках служанок Олинии, а направился к уже взятому под уздцы Белолобому. Конь дрожал, испуганно косил лиловым глазом на слуг и Гирмара, а тот, подойдя к жеребцу, провёл ладонью по его хребту и влажным от пота бокам. Поднёс руку к лицу – на ладони остались чёткие следы свежей крови...

– Стоять! – Прозвучавший в голосе Гирмара металл заставил собравшихся во дворе слуг втянуть головы в плечи, а как раз подобравший с земли седло и потник Белолобого Калист и вовсе съёжился, поспешно зашептав:

– Я ж только прибраться, хозяин... Я ж...

Но Гирмар, не слушая его оправданий, уже осматривал седло и лопнувшую подпругу, а потом, вырвав из рук слуги потник, извлёк спрятанный в скомканной материи шип с изогнутыми, бритвенно-острыми краями и подчёркнуто спокойно спросил:

– Это ведь ты седлал лошадей, не так ли?

Калист немедля рухнул Гирмару в ноги.

– Я не виноват, хозяин! Я бы никогда не посмел! Подложили, когда я из конюшни отлучился!

– Да неужели!..

В трясущемся от страха слуге было что-то такое, что сводило на нет все его трусливые оправдания и вызывало у Гирмара настойчивое желание сию же минуту растереть это отребье в порошок, но вместо этого Гирмар всё же сосредоточился на найденном им шипе. Как и многие мужчины этого рода, он унаследовал колдовской дар – силы, правда, ему выпало не так уж и много, но и она порою была изрядным подспорьем...

Не подвела эта сила и теперь: Гирмару понадобилась лишь пара мгновений, чтобы определить – слуга без сомнений касался найденного им шипа... Ярость – страшная, звериная – затопила сознание Остена. У него не осталось никаких желаний, кроме одного – раздавить, уничтожить подлую тварь!..

Гирмар пнул под ребра лежащего у него в ногах слугу. От сильного тычка Калист завалился набок. И, думая, что на него сейчас обрушится хозяйская плеть, закрыл голову

руками, не переставая причитать о своей невинности. Но Гирмар и не думал браться за плетъ – с искажённым от гнева лицом он вскинул руки, а с его губ сами собою сорвались короткие строки несущего смерть заклинания.

Скорчившийся на песке Калист завыл дурным голосом и попытался было отползти от Гирмара, но уже в следующий миг руки слуги подломились, и он вновь повалился на землю, а из его ушей и носа хлынула кровь.

Через пару минут всё было кончено. Гирмар, чувствуя, как затопившая его разум ярость сходит на нет, отвернулся от ещё не остывшего трупа и встретился взглядом с пришедшим в себя Олдером. Сын, опираясь на поддерживающего его Дариена, смотрел на отца широко распахнутыми глазами, и Гирмар, словно бы устыдившись своей вспышки, отвернулся и, точно не замечая собравшихся вокруг людей, обратился в пустоту.

– Надеюсь, кто-нибудь уже сообразил, что надо послать за врачом...

Эти простые слова оказали едва ли не магическое воздействие – людской муравейник ожил и привычно засуетился. Ни о какой поездке теперь и речи не было, так что коней увели, тело убрали, искалеченного сына со всеми возможными предосторожностями перенесли в его комнату, а Дариен верной тенью последовал за братом. Всё ещё заходящуюся рыданиями Олинию Гирмар сам на руках отнёс в её покои и, уложив на кровать, устроился рядом, молча наблюдая за пытающимися напоить её успокаивающим отваром служанками. Он давно привык к смертям и крови, но сейчас они едва не потеряли сына. Их общего ребёнка, первенца, единственную нить, что ещё связывала их между собою... Гирмар ещё раз взглянул на Олинию – опухшая от слёз, с рассыпавшейся причёской и потёкшей, размазанной по щекам краской для ресниц, она каким-то образом была ему ближе и понятнее, чем привычная холодная красавица, которую он уже столько лет про себя именовал супругой, но никак не женой... И эту бьющуюся в рыданиях женщину ему хотелось утешить, вот только он не знал, что для этого следует сделать...

– Олиния... С Олдером все будет в порядке. Он в сознании, за лекарем уже послали. – Гирмар не особо надеялся, что эти слова помогут, и не ошибся в ожиданиях. Олиния продолжала рыдать, не обращая на него никакого внимания, и Гирмар вышел из комнаты, произнеся на прощание:

– Когда лекарь прибудет, я попрошу, чтобы он осмотрел и тебя тоже...

Врачеватель, к счастью, не заставил себя долго ждать – маленький, чуть полноватый человек с круглым лицом и обширной лысиной был хорошо известен в окрестных имениях – он помог появиться на свет по меньшей мере дюжине будущих хозяев Амэна, лечил женские недомогания их благородных матерей и великолепно разбирался во всех детских хворях, которые не минуют ни бедного, ни знатного. Своих клиентов он знал как облупленных, а потому с порога взял быка за рога – посетовав на то, что к его приезду ничего не готово, он быстро выставил из комнаты Олдера не только набившихся туда слуг, но и самого Гирмара, оставив себе в помощники лишь дюжего Альга. Дариена, как ни странно, лекарю выпроводить не удалось, так что отцу пришлось коротать время в полном одиночестве, а ожидание тем временем затягивалось...

Когда же из комнаты Олдера донёсся отчаянный вскрик, Гирмар едва заставил себя оставаться на месте. Лечение редко бывает безболезненным, и сейчас он своим вмешательством ничем не поможет! Тем не менее кулаки Гирмара то и дело сжимались, когда до него доносились глухие сдавленные стоны сына, сопровождаемые неизменно-тихим бормотанием лекаря...

Наконец врачеватель вышел из комнаты, тыльной стороной руки вытер потный лоб и устало посмотрел на Гирмара.

– Слава Малике, жилы не задеты, так что твой сын не станет сухоруким... Но насчёт остального – не уверен.

– Что ты хочешь этим сказать? – Гирмар, нахмурившись, шагнул к маленькому лекарю, но на того грозный вид хозяина имения не возымел особого действия, и он произнес прежним ровным и усталым тоном:

– У Олдера сломана ключица и плечевая кость, раздроблена лопатка. Я ему сустав буквально по кускам собирал. Кости, без сомнений, срастутся – в его возрасте даже такие переломы заживают довольно быстро. Я взял кости в лубки, но вот насколько правильно все срастётся и насколько подвижным будет сустав, сказать заранее невозможно...

Услышав такое заключение, Гирмар потемнел лицом, а лекарь, хорошо знающий, каким бальзамом является для родителей похвала их отпрысков, произнёс:

– Впрочем, будем надеяться на лучшее. Олдер, несмотря на боль, очень хорошо держался – уже сейчас в нём чувствуется будущий воин, да и Дариен не хуже. Он ни на шаг не отходил от Олдера и всё время держал брата за руку. Такая дружба многое пересилит.

По губам Гирмара скользнула слабая улыбка.

– Что верно, то верно... Мои сыновья действительно неразлучны...

Олдер косо взглянул на принесённый ему завтрак. Кухарка расстаралась вовсю, но покоящиеся на подносе возле кровати разносолы лишь вызвали у мальчишки глухое раздражение – есть решительно не хотелось, а ещё ему были противны и солнечный свет, и сам окружающий мир, никак не желающий оставить его в покое!..

Придя в себя после визита лекаря и отойдя от сонного зелья, которым тот щедро опоил мальчишку по окончании лечения, Олдер ещё раз припомнил все предшествующие его падению события и в этот раз правильно истолковал испуг матери. Она знала о шипе под потником Белолобого. Знала и молчала, предав тем самым и Дариена, и его – Олдера... Если бы она тогда сказала хоть одно слово...

Тогда бы всё понял отец, а как он вершит расправу, мальчишка уже увидел!

Вспомнив о том, как отца окутала алая яростная дымка, уже через миг оборотившаяся убившей Калиста молнией, Олдер, невольно застонав, откинулся на подушки. По всему получалось, что родитель, наказав слугу, не покарал главного зачинщика, но как выдать ему собственную мать, пусть она и трижды неправа!.. И как жить с тем, что он теперь знает?..

Мальчишка осторожно коснулся здоровой рукою лубков, в которые была забрана половина его тела, скользнул пальцами по плотно примотанной льняными бинтами к торсу руке... Он разбился, и его мир тоже разлетелся на тысячи осколков, которые теперь уже никак не собрать... Что ему делать?..

Из горьких размышлений Олдера вывел неожиданный визит матери. Окликнув сына, она было хотела подойти к его кровати, но так и замерла посреди комнаты, столкнувшись с усталым, безнадёжным взглядом Олдера. На какой-то миг Олинии показалось, что на неё смотрит не собственный ребёнок, а познавший всю горечь жизни старик, но потом она совладала с собой и привычно улыбнулась:

– Как ты себя чувствуешь, сынок? Лекарь сказал, что всё обошлось...

Олдер вздохнул.

– Не надо, мама... Я ничего не скажу отцу, а теперь – уйди. – Тихий, словно бы неживой

голос сына вновь пригвоздил Олинию к месту, но она всё же попыталась возразить.

– Я не понимаю, о чём ты говоришь, сынок... Ты вообразил себе что-то, но я...

– Уйди! – В этот раз голос не желающего разговаривать с матерью Олдера прозвучал уже громче и злее, а когда Олиния не вняла и этому предупреждению, в неё полетела одна из покоящихся на кровати сына подушек.

– Не хочу тебя видеть! – Крик мальчишки подхлестнул Олинию, точно плеть, – она покинула комнаты отпрыска с почти неприличной поспешностью, а Олдер, взглянув на захлопнувшуюся за матерью дверь, без сил повалился на кровать и закрыл глаза. Резкое движение немедленно отозвалось обжигающей, острой болью в искалеченной половине тела, и Олдер почувствовал, что его ресницы намокли от внезапно вскипевших слёз.

Впрочем, долго пребывать в одиночестве ему не пришлось – ресницы мальчишки все еще были тяжёлыми из-за солёной влаги, когда дверь в его комнату вновь тихонько скрипнула. Олдер, думая, что это служанка пришла забрать так и не тронутый им завтрак, отвернулся было к стене, но вместо ожидаемого чуть слышного шарканья подошв по полу застучали звериные когти, а ещё через миг на Олдера навалилась тяжеленная, остро пахнувшая псиной туша. Открыв глаза, мальчишка оказался нос к носу с взобравшимся на его кровать Туманом, а пёс, жарко дыша, тут же принялся вылизывать ему лицо.

– Туман!.. Прекрати!.. Фу, я сказал! – отбиться одной рукой от желающего выразить свою радость пса было непросто. Тот же, в свою очередь, так воодушевлённо сопел, умывая хозяина языком, что Олдер невольно рассмеялся. Когда же пёс немного успокоился и, в последний раз лизнув мальчишку, с довольным ворчанием улегся подле него на кровати, тот, повернув голову, увидел устроившегося на табурете Дариена, который с лёгкой улыбкой наблюдал за радостной встречей. Олдер огладил широкий лоб прикорнувшего возле него пса.

– Как тебе удалось притащить сюда Тумана, Дари?

Улыбка брата после этого вопроса стала чуть явственнее:

– Легко. Тем более что и Ридо особо не возражал. Туман, чувствуя, что с тобою неладно, был всю прошедшую ночь, а сегодня с утра отказался от пищи.

Олдер, услышав такую новость, сразу же нахмурился.

– Из твоих рук он бы поел, Дари, а теперь влетит и тебе, и Ридо – ты же знаешь, что Тумана запрещено приводить в дом...

Это была правда – хотя в собаке не было ни капли полагающейся ему по породе злобности, служанки и в особенности хозяйка боялись выросшего размером с доброго телка грандомского чудовища. Именно поэтому Туман обретался исключительно на псарне – братьям было разрешено брать его на прогулки по окрестностям, но приводить в дом строжайше запрещалось. Гирмару женские истерики были совершенно ни к чему.

Но Дари на вполне резонное возражение Олдера лишь слегка качнул головой и сказал:

– Для Ридо в жизни нет ничего важнее, чем благополучие его собак, а для меня главное – что ты больше не киснешь. Так что влетит мне или нет, Тумана я буду приводить к тебе столько, сколько понадобится.

Услышавший ответ брата Олдер вновь откинулся на подушки, ведь после слов Дариена недавние горькие переживания навалились на него с новой силой. Помолчав немного, Олдер глухо заметил:

– Не стоит, Дари... Я ведь не смогу сказать отцу, что в истории с седлом замешана моя мать, а значит, предам тебя.

Ответом Олдеру было молчание, но потом Дари, встав со своего места, подошёл к брату

и, положив ему руку на здоровое плечо, сказал:

– Вовсе нет, Олдер... Если бы моя мать так поступила, я бы тоже ничего не смог рассказать отцу...

Так с этого дня и повелось – Дариен был подле брата неотлучно, всеми правдами и неправдами стараясь его развлечь. Он даже смог выпросить у Гирмара разрешение приводить к Олдеру Тумана. Отец вначале посчитал эту просьбу обычной блажью, но Дариен, получив отказ, не промолчал, как обычно, а с несвойственным ему прежде жаром пустился в объяснения, зачем это нужно, и Гирмар, пораженный неожиданной настойчивостью своего побочного отпрыска, уступил. Теперь служанки могли лишь опасливо коситься на Дариена, который, идя по коридору, с трудом удерживал рвущегося вперед пса за широкий, покрытый медными бляхами ошейник.

Что же до Олинии, то она с того рокового дня почти не покидала своих комнат. Тот же доктор, что занимался переломами Олдера, позже осмотрел и его мать. Лекарь назвал её срыв типичным для женщин такого возраста и рекомендовал успокаивающие травы вкупе с покоем. Олиния ему не перечила – в своих комнатах она спасалась и от обвиняющего взгляда сына, и от лицезрения теперь еще более люто ненавидимого ею Дариена. Ей было невыносимо смотреть на здорового и полного сил мальчишку – ублюдок вывернулся из подстроенной ловушки, словно змея, и теперь разгуливает по дому как ни в чём не бывало, в то время как её сын лежит искалеченный... Это было просто чудовищно несправедливо!.. И Олиния, спрятавшись в привычном уюте среди милых сердцу безделушек, тихо лелеяла растущую в душе ненависть и мечтала о возмездии, тем более что ставший её послушным орудием учитель мальчиков не попал под подозрение и по-прежнему находился в имении.

Так что воцарившийся в имении Остенов покой был обманчивым, а чёрные мысли теперь беспокоили не только Олинию. Гирмар, через пару дней вновь осмотрев пресловутый шип, отметил, что на железе остался еще один след, который, скорее всего, принадлежал либо тому, кто передал Калисту железо, либо тому, кто изготовил шип. Ничего более точно сказать уже было нельзя – второй отпечаток оказался почти полностью смазан следом Калиста и его страхом...

И теперь Гирмара снедала мысль, что еще один соучастник преступления остался неузнанным. Слуги, ловя на себе тяжёлый взгляд наблюдающего за ними хозяина, робели и отводили глаза, но их по-мышинному суетливое мельтешение ничем не могло помочь Гирмару. Жёну же в качестве соучастника Остен даже не рассматривал, искренне считая женщин слишком слабыми и не способными на такой поступок существами.

Но больше всего от бессонницы изводились не Гирмар или Олиния, а Олдер. Если днём Дари вполне справлялся с гнетущими брата мыслями, то ночью он оставался один на один с одолевающими его страхами и болью, а помочь ему уже не мог никто. Лёжа в кровати, мальчишка, глядя в обступившую его темноту, пытался шевелить пальцами повреждённой руки и подолгу ощупывал забранный в лубки торс, тщетно пытаясь понять, что происходит под тугою повязкой – срастаются ли раздробленные кости? И насколько правильно?

То и дело навещающий Олдера лекарь на все его вопросы во время осмотров лишь улыбался и уверял, что всё идет весьма неплохо, но у мальчишки не было веры этим сладким посулам, а высказать свои страхи отцу Олдер не решался – он опасался, что родитель сочтет их нытьем, не достойным истинного Остена и, соответственно, будущего воина. Поэтому, когда Гирмар проведывая отпрыска, расспрашивал его о самочувствии, Олдер изо всех сил улыбался и говорил, что всё хорошо... А потом снова не спал большую часть ночи,

снедаемый неусыпной тревогой. Сон, тяжёлый и вязкий, посещал его лишь ближе к утру. Олдер проваливался в него, точно в омут, но, пробудившись, чувствовал себя после него еще более разбитым и усталым...

Так миновали полтора месяца, но когда приехавший лекарь снял опостылевшие Олдеру повязки, мальчишка пришёл в ужас. Вызволённая из лубков рука оказалась слабой и непослушной – словно бы чужой, но ощупывающий его плечо врачеватель, поймав испуганный взгляд мальчишки, лишь покачал головой.

– Всё, что тебе понадобится теперь, – это терпение. Массаж, упражнения, примочки – и со временем силу и подвижность твоей руки удастся восстановить.

И тут неожиданно вмешался на этот раз присутствующий при процедуре Гирмар:

– Даже если это и так, осанка моего сына теперь вряд ли станет нормальной...

Услышав это замечание, Олдер почувствовал, что леденеет, а уязвленный такими словами лекарь немедля вскинулся:

– Перекос плеч – наименьшее из зол, которое вообще могло бы случиться при такой травме! Или отсохшая рука, по-вашему, лучше?

Гирмар вскинул голову, его ноздри гневно раздулись.

– Я знаю про худший исход, но и лучше, чем теперь, тоже вполне могло бы быть... Ты не справился со своей работой, и теперь я поищу сыну другого, более сведущего в своём ремесле врача!

У лекаря от таких слов побагровели не только щёки, но и лысина – он уже собирался возразить, но, ещё раз взглянув на потемневшее лицо Гирмара, лишь досадливо махнул рукой:

– Поступайте как знаете!.. – и вышел из комнаты, не попрощавшись...

Пока искали нового врача, Олдер был предоставлен сам себе – убедившись в своём увечье, он теперь стремился избежать общества – как отца, так и Дариена. Он бы и от себя убежал, если бы это было возможно!.. Вот только в доме одиночество было хоть и желанным, но почти недостижимым, и мальчишка вновь коротал дни в рощах или у моря, выбирая такие места, где даже Дариен не мог его найти... Несмотря на то что на улице по-прежнему было холодно, Олдер то подолгу смотрел на бьющиеся о скалы тёмные волны, то, устроившись на стволе упавшего дерева, неподвижно сидел, обхватив голову руками.

Им завладело чёрное, иссушающее душу и лишаящее воли отчаяние, которому мальчишка даже не сопротивлялся: лекарям он больше не верил – ему уже говорили, что все закончится благополучно, а что получилось? Он сломан, слаб и совершенно бесполезен, а отец смотрит на него так, что лучше бы и вовсе не замечал! До этого события будущее казалось мальчишке простым и ясным – он станет воином и так же, как и родитель, будет носить куртку «Доблестных», продолжая непрерывную традицию Остенов. Олдер не желал иной будущности и не представлял, что теперь, искалеченный и негодный к воинской службе, станет делать. К тому же ему, сызмальства привыкшему лазить по скалам и деревьям, было невыносимо ощущать себя слабым и неуклюжим...

Но слишком долго предаваться отчаянию мальчишке не довелось: река жизни уже подводила его к очередному бурлящему на перекатах и полному водоворотов порогу.

В тот день Олдер, пользуясь тем, что отец с самого утра был занят, а потом куда-то уехал, тоже улизнул из дома пораньше. День был ясный, но ветреный, и прикорнувший между поваленных стволов мальчишка продрог, несмотря на теплую куртку с высоким воротником, который он, защищаясь от ветра, поднял как можно выше, пряча нос и щёки. Но

холод не заставил Олдера сдвинуться с места – он лишь ещё глубже забился в свое укрытие, думая лишь о том, что хорошо было бы здесь остаться, уснуть и уже никогда не просыпаться... Над ним будут чуть покачивать ветками деревья и шелестеть дожди, а он будет просто спать – без мучительных сновидений, без боли...

Эти мысли настолько завладели мальчишкой, что он даже не услышал рядом с собою лёгких шагов, вскинув голову лишь тогда, когда неожиданный пришелец произнес:

– Да ты, я вижу, совсем замерз! – и опустился рядом с мальчишкой на корточки. Олдер же, рассмотрев нарушителя своего одиночества, удивлённо мигнул, ведь это был не кто иной, как Антар. Мальчишка видел его в доме и знал со слов отца, что этот человек не только служит под началом родителя, но и помогает ему в колдовстве. Вот только в чём заключается эта помощь и какой именно силой обладают Чующие, Олдер имел весьма расплывчатые представления, черпая свои знания из редких обмолвок отца и рассказываемых по вечерам баек. Сам же Антар искренне придерживался мнения, что молчание является золотом, и, появляясь в доме, всегда держал язык за зубами, превращаясь в подобие безмолвной, незаметной тени...

Пока Олдер хмуро смотрел на Чующего, тот времени зря не терял – расстегнув застёжки своего плаща, он укутал им мальчишку и улыбнулся:

– Вот. Так-то оно получше будет!

Из-за улыбки на простецком лице Антара мгновенно обозначались глубокие морщины. Благодаря выдубленной ветрами и солнцем коже он казался даже старше отца, но его глаза – удивительно светлые и ясные – говорили о том, что это впечатление обманчиво...

В былые времена Олдер бы не упустил возможности порасспрашивать неожиданно разговорившегося Чующего о его даре, колдовстве и пережитых им походах. Теперь же любое общество ему претило: ответив на улыбку эмпата хмурым взглядом, он, пробурчав:

– Ничего уже лучше не будет... – собирался отвернуться от Антара, но тот, мгновенно став серьезным, точно жрец у жертвенника, спросил:

– Почему ты так думаешь?

Поражённый тем, что Чующий не замечает очевидного, Олдер на мгновение застыл, недоуменно глядя на Антара, а потом, неожиданно даже для себя самого, высказал то, что так грызло его всё это время:

– Потому что я теперь бесполезный и увечный. Вот почему. Я не смогу стать воином, а значит, недостойн имени Остенов!.. Да лучше бы меня конь растоптал, чем жить теперь так... Таким...

Судорожно вздохнув, мальчишка замолчал, а Антар придвинулся ближе и положил ему руку на плечо. Олдер от этого прикосновения мгновенно съёжился, но ладони Чующего не скинул, а тот заговорил так, будто знал мальчишку уже тысячу лет.

– Умереть, конечно, легко – бросить всё, сдаться, но ты ведь не из таких, Олдер. Ты примешь вызов, который бросила тебе жизнь, и справишься с ним... И не думай, что отец станет хуже к тебе относиться – Гирмар очень переживает за тебя. Не далее как сегодня утром он сказал мне, что впервые жалеет о том, что, посвятив себя Мечнику, не умеет исцелять...

Произнеся это, Антар ненадолго умолк, а Олдер вздохнул.

– Но воином я теперь всё равно не стану...

Чующий снова улыбнулся:

– А это, парень, уже в твоих руках. Если начнешь тренироваться, то со временем

сможешь вернуть своей руке и силу, и подвижность. У меня были ранения, да к тому же тяжёлые, так что я знаю, о чём говорю... Вот только почему ты опять хмуришься? Не веришь мне?

– Верю, – Олдер, смущенный тем, что Антар читает его, словно открытую книгу, потупил взгляд и тихо произнес: – Вот только моё плечо навсегда останется таким, как сейчас... Кривоплечий воин... Надо мною же смеяться будут!

Но Чующий на это замечание только фыркнул:

– Над колдунами, парень, будь они хоть трижды кривые, косые или одноглазые, никто и никогда не смеётся! А ты унаследовал дар Гирмара, просто еще его не осознал.

Удивлённый таким поворотом разговора, мальчишка лишь молча покосился на Чующего, а тот, в свою очередь, уверенно продолжал.

– Ты ведь уже замечал то, чего не видят другие, но не придавал этому значения. Чувствовал то, что для остальных не более чем шелест ветра.

Это замечание заставило Олдера серьёзно призадуматься... Что ж, несколько раз с ним действительно происходило то, о чём толковал Чующий. То Дари так и не смог увидеть затаившуюся между камнями странно густую, почти осязаемую тень, хотя сам Олдер в неё едва ли не пальцем тыкал. То в доме в одном из коридоров Олдер заметил похожую на клочок тумана серую тень, да и окутавшая в тот роковой день отца алая дымка была ясно видна ему, а вот другие, похоже, увидели лишь разгневанного Гирмара и бьющегося в корчах слугу...

Антар же, всё это время внимательно наблюдающий за мальчиком, произнёс:

– Всё, что тебе сейчас надо, – это осознать свой дар, почувствовать его. Я знаю, что Гирмар хотел начать твоё обучение года через два, когда ты станешь чуть постарше, но, видно, у Седобородого на этот счёт другое мнение...

Олдер, оставив без внимания вторую часть замечания Антара, чуть склонил голову к плечу.

– Что значит – «осознать»?

– Ну... – Антар на мгновение нахмурился, но потом решительно тряхнул головой. – Скажи, ты знаешь, чем колдуны отличаются от Чующих?

Олдер задумчиво потёр лоб. На вопрос Антара он мог ответить лишь пересказом услышанных им прежде баек, которые скорее всё запутывали, чем поясняли. Но Чующий продолжал выжидающе молчать, и мальчишка выложил то, что знал. Антар же, выслушав его, покачал головой:

– Главное различие между колдунами и Чующими состоит в том, что эмпаты не способны к ментальным ударам. Такие, как я, способны лишь защищаться. Именно поэтому колдуны и держат нас в узде.

Произнеся это, Антар снова замолчал, словно бы ожидая услышать очередной вопрос, но Олдер не спешил их задавать, обдумывая услышанное. К тому же теперь, когда пелена окутывающего его отчаяния уже не была столь плотной, мальчишка задался вопросом, который надо было задать гораздо раньше, – с какой стати Антар разыскал его и втянул в беседу? Уж не по приказу ли отца?

Чующий, поняв, что молчание затягивается, покачал головой и потом, точно решившись на что-то важное, твёрдо произнес:

– Для ментальной атаки не нужны заклинания. Достаточно лишь одного желания... Ты тоже можешь так сделать.

– Я? – Решив, что Антар просто заговаривает ему зубы, Олдер отвернулся от Чующего и

произнёс: – От моего взгляда воробьи с неба не падают, так что всё это пустое...

– Ну, если ты так хочешь... – Антар поднялся во весь рост, коротко взглянул на нахохленного мальчишку: – Я-то думал, что из тебя будет толк, но, видно, ошибся. Ты не отпрыск Гирмара, а маменькин сынок... Размазня!..

– Что?!! – мгновенно забыв о своём нежелании вести разговоры с Чующим, немедля вскинулся Олдер. Гневно блеснул глазами: – Это неправда!

Но Антар на этот протест лишь насмешливо улыбнулся.

– Это почему же? Истина глаза колет? Ты трус и слабак! Жизнь тебя только пнула слегка, а ты и рад стараться – распустил сопли до самой земли!

Олдер вскочил со своего места так, будто его ужалили, – оскорбления, казалось бы, вначале сочувствующего ему Антара были особенно жестокими и обидными. Несправедливыми!

– Ты не смеешь так говорить!.. Ты не должен! – От вскипевшего гнева в груди у Олдера стало тесно. Жар прилил к щекам и мгновенно разошёлся по всему телу – мальчишка снова дрожал, но уже не от холода, а от сводящей с ума ярости.

Антар же, уперев руки в бока, посмотрел на Олдера сверху вниз и усмехнулся:

– Не тебе, сопляк, решать, что я должен... Да и что ты мне сделаешь?!!

– Я... Ты... – в этот раз Олдер просто задохнулся от ярости. В ушах зазвенело, перед глазами поплыли красные круги. В эти мгновения мальчишке хотелось лишь одного – стереть с лица Чующего эту издевательскую ухмылку, заставить Антара подавиться произнесёнными словами!.. Звон стал сильнее, а потом в голове Олдера словно бы струна лопнула – он почувствовал, как выжигающий сердце гнев словно бы обретает форму, костенеет, чтобы уже в следующий миг острой жалящей стрелой впиться в лицо Антара!

Как только это произошло, Олдер почувствовал себя странно опустошённым и глухим ко всему – он словно издалека видел, как покачнулся Чующий, а его усмешка сменилась гримасой боли. Антар снова покачнулся – ноги будто перестали его держать. Медленно поднёс руку к лицу, а из правой ноздри у него побежала тонкая, невозможно алая струйка крови!..

На плечи мальчишки навалилась невероятная усталость – теперь он и сам с трудом удержался на подкашивающихся ногах. Сознание залила абсолютная чернота – без звуков, без движения... И только где-то под сердцем пульсировал, успокаиваясь, сгусток живого огня, но Олдер каким-то образом знал, что теперь будет ощущать его присутствие всегда...

Когда неожиданный морок схлынул, мальчишка обнаружил, что по-прежнему стоит там же, где на него и накатило, а вот Антар сидел прямо на земле – устало сторбившись, он вытирал дрожащей рукою заливающую ему губы кровь и казался совершенно больным. Олдер же, глядя на Чующего, почувствовал, что переполнявшие его несколько мгновений назад ярость и обида на Антара пропали без следа. Мальчишка шагнул к Чующему, присел на корточки.

– Антар, зачем ты так... Я бы никогда...

Вместо ответа Чующий притянул Олдера к себе. И мальчишка почувствовал, как в него вливается сила. Чистая, словно горная река. Она омывала его, унося все беды и тревоги, наполняла собою, разливалась по жилам, бодрила...

– Ну, хватит с тебя на сегодня, маленький колдун! – прошептал Антар над самым ухом Олдера, и связь оборвалась. Зато переполнявшая мальчишку сила никуда не исчезла. Олдер чувствовал себя отдохнувшим, бодрым и совершенно здоровым... Таким, каким ни разу не

ощущал себя после своего злополучного падения... При мысли о болезни рука мальчишки невольно потянулась к покалеченному плечу, но уже в следующий миг с губ Олдера сорвался разочарованный стон – там всё оставалось по-прежнему... И в самом деле – глупо было надеяться!..

– Зато ты ощутил свой дар, да и поправишься теперь быстрее, если, конечно, вновь не начнёшь себя изводить. – Антар словно бы угадал мысли мальчишки, и Олдер вновь повернулся к Чующему, невольно подмечая и просвечивающую сквозь загар неестественную бледность Антара, и его осунувшееся лицо, и подсыхающие следы крови на подбородке...

– Это отец приказал? – Внезапная догадка заставила Олдера вцепиться в руку Чующего. – Да?.. Разозлить меня, чтобы я понял... Почувствовал, как... – Не в силах подобрать слова, Олдер замолчал, а Антар ответил ему слабым подобием улыбки.

– Гирмар приказал мне лишь поговорить с тобой – он ведь действительно переживает за тебя... Да только разговор бы тут не сильно помог...

Глаза услышавшего такой ответ Олдера мгновенно сузились:

– А если бы я убил тебя?.. Я же мог это сделать и хотел...

Но Антар на это лишь слабо покачал головой.

– Нет. Не мог. Но через несколько лет, когда сил наберёшься, сможешь... А пока – просто наказал... Колдуны всегда наказывают за неповиновение...

Лицо мальчишки после ответа эмпата мгновенно отвердело, на доли мгновения утратив всю свою детскость:

– Я никогда не буду так поступать с тобою, Антар. Даю слово!..

Чующий, посмотрев на нахмурившегося мальчишку, уже было открыл рот, чтобы что-то сказать, но тут произошло то, чего никто не мог предсказать... На Олдера неожиданно навалилась странная тяжесть и страшная непонятная тоска. Тряхнув головой, он попытался избавиться от наваждения, но к тоске прибавилась тревога, а потом он словно бы услышал слабый и далёкий, полный боли стон!

– Дари!!! – Узнав голос брата, Олдер вскочил на ноги и бросился бежать туда, куда вело его пробудившееся чутьё!

Антар что-то прокричал вслед мальчишке, но тот не разобрал слов – продравшись сквозь кусты, Олдер помчался по едва заметной тропе ещё дальше в чащу, потом спустился в овраг и побежал по его дну, то и дело огибая небольшие валуны – весною по дну оврага тёк стремительный и широкий ручей, но сейчас в нём можно было лишь подошвы намочить...

Олдер не мог взять в толк, что понадобилось Дари в этом месте – они и вдвоём здесь не часто бывали, но чутьё подсказывало мальчишке, что брат находится где-то впереди и ему нужна помощь...

Миновав очередной поворот, Олдер действительно увидел Дари – тот лежал, скорчившись, возле большого, обточенного водой валуна, а тёмный след на левом склоне оврага красноречиво показывал, как именно Дариен угодил на самое дно.

– Дари! – Неподвижность брата не на шутку испугала Олдера. Ему показалось, что Дари уже не дышит, но уже в следующий миг Дариен слабо застонал, и Олдер стрелой метнулся к нему. Упал на колени и попытался приподнять.

– Дари!.. Я здесь, я с тобой... Как ты здесь очутился? Поскользнулся?..

– Нет... – Услышав голос брата, Дари открыл глаза, и Олдер увидел, что белки у брата стали мутно-жёлтыми. – У меня живот заболел, и я...

Так и не закончив фразы, Дариен со стоном скрючился на земле, а еще через мгновение

его начало рвать желчью...

– Антар!.. Где ты?.. Антар!.. – Поддерживая голову брата, Олдер стал отчаянно звать единственного человека, который мог бы услышать его в этой глуши, а Дари, когда скрутившая его боль ненадолго отступила, прошептал:

– Главное, что ты нашёлся... Райген не соврал...

– О чём ты? – немедленно насторожился Олдер, а Дари, подавив очередной стон, ответил:

– Наставник сказал, что тебя следует искать возле Змеиной пещеры – он видел, как ты направляешься в ту сторону...

– Но Райген не мог меня видеть! – Услышав слова Дари, Олдер почувствовал, что внутри у него всё леденеет, а брат снова прошептал:

– Он сказал, что видел... И яблоко дал в дорогу...

– И ты его съел?! – чуть слышно спросил Олдер, а Дари вместо ответа вновь вывернуло, и на этот раз в желчи была отчётливо видна кровь.

После этого корчи уже не оставляли Дари – один приступ следовал за другим, а Олдер, прижимая к себе брата, отчаянно пытался поделить с ним собственными силами, повторив то, что совсем недавно сделал для него Чующий. Но у мальчишки ничего не получалось – может, оттого, что он не понял сути действия, а может, оттого, что собственных сил у него было ещё слишком мало...

Олдер, чувствуя, что теряет Дари, поднял глаза к такому далекому в этом овраге небу и закричал так громко, как только смог:

– Антар! Ну, где же ты!..

Запершись в своей комнате, Райген судорожно паковал вещи. Обычно у него не возникало трудностей со сборами – воинская жизнь любого приучит к скорости, к тому же все имущество воспитателя братьев умещалось в два средних размеров баула, но сегодня все шло наперекосяк. Предметы, словно бы обретя собственную волю, то терялись на ровном месте, то совершенно немыслимым образом выскальзывали из пальцев взявшего грех на душу Райгена. Он уже разбил два флакона с ценными ингредиентами, умудрился разорвать ворот у сменной рубахи и битый час искал лежащую прямо у него перед носом тетрадь с алхимическими формулами, одна из которых и стала для Дариена роковой...

Райген отбросил со лба упавшие на лицо пряди и, взглянув на руку, заметил, что его пальцы дрожат... Это уже не лезло ни в какие ворота, и Райген, сев на кровать, сжал кулаки. Он все сделал правильно – из-за Дариена в этой семье никогда не будет мира, а Олдеру вместо брата-приблуды легко найдут новую игрушку!.. Подумав об этом, Райген мотнул головой – ему невольно вспомнилось, как вверенные ему мальчишки писали диктант, едва ли не касаясь друг друга локтями... Как наперебой задавали вопросы по истории, желая услышать подробности битвы при Олгране. Как корпели над подкинутыми им задачами по математике...

Теперь один из братьев – калека, а второй – мертв, и все это его, Райгена, вина!.. Хотя нет... Олдер сам виноват в своем несчастье – незачем было ни с того ни с сего меняться с братом лошадьми... Что же до Дариена, то ему лучше навсегда исчезнуть из этого мира – так будет лучше для всех, и в первую очередь – для Олинии...

Конечно же, давать сопляку яд, всего за пару часов разрушающий печень, было жестоко, но и тут у Райгена не было выбора. Если бы Дари умер в доме – во сне или на руках у слуг, это привлекло бы излишнее внимание и было бы слишком подозрительно, а теперь Дари

хвататься не раньше вечера. По расчетам Райгена, мальчишке должно было стать плохо в пещере, а протекающий возле ее входа мелкий ручей собьет собак, так что тело найдут далеко не сразу. Тем не менее из имени Райгену было лучше уехать – Гирмар вполне мог обвинить его если и не в убийстве, то в недосмотре. Райген своими глазами видел, как хозяин имения вершит суд и кару, – сам он был неплохим мечником и мог бы рискнуть скрестить с Гирмаром сталь, но испытать на своей шкуре его колдовские таланты Райгену решительно не хотелось. Из дома надо было уходить, и как можно быстрее – пока Гирмар не вернулся из поездки...

Приняв решение, Райген встал с кровати и с утроенным рвением вновь принялся за сборы. В этот раз ему удалось взять себя в руки, но под сердцем словно бы сидела заноза, и отравитель, покончив со сборами, решил увидеться с Олинией. Он не мог покинуть дом, не попрощавшись со своим холодным божеством.

По правде сказать, отношение Райгена к Олинии после той встречи в саду переменялось незаметно для него самого. С одной стороны, она по-прежнему была для него идолом, но в то же время Райген, увидев ее слезы и ощутив тепло ее тела, уже не мог думать об Олинии как о далеком и недоступном божестве. С той ночи он желал свою хозяйку как женщину, и это желание росло с каждым днем. Райгену мнилось, что надлежащая жертва, брошенная к алтарю его идола, заставит Олинию снизойти со своих высот в его объятия, и то, что участь жертвенного агнца выпала Дари, смущало Райгена лишь поначалу. В конце концов, у любви есть лишь одно правило – если хочешь чего-то добиться, брось в огонь страсти все возможное и невозможное, не задумываясь о цене.

В комнатах Олинии всё было как обычно – ковры на полу, множество изящных безделушек на столиках. Сама хозяйка, устало смежив веки, покоилась в кресле – с самого утра у нее болела голова, поэтому, подобрав дневной наряд, она не стала утруждать себя прической, и теперь роскошные тёмные локоны волнами спадали на плечи и грудь Олинии, а одна из служанок осторожно массировала виски хозяйки, втирая в них лавандовое масло.

Как только Райген взглянул на чистые и холодные черты женщины, все изводившие его сомнения развеялись без следа. Он с трудом проглотил вставший поперёк горла комок.

– Госпожа.

Услышав его голос, Олиния открыла глаза и небрежным взмахом руки отослала служанку прочь.

– Что случилось, Райген? – Между бровями задавшей вопрос Олинии пролегла чуть заметная складочка, к которой наставник мальчишек с удовольствием бы прижался губами. Райген вздохнул, гася в себе всколыхнувшееся желание.

– Я зашел попрощаться, моя госпожа. Мне тяжело оставлять вас, и лишь одно утешает – главная причина вашей печали отныне устранена.

– Устранена? – После этого витиеватого высказывания Райгена щёки Олинии окрасились слабым румянцем, а сама она, правильно истолковав данные ей намеки, в волнении поднесла руку к груди. – Так неожиданно и скоро?..

Райген почтительно склонил голову:

– Мне представился очень удобный случай, и я не стал его упускать. Щенка не скоро хватятся, но ваш муж может обвинить меня в пренебрежении своими обязанностями.

Теперь щеки внимательно слушающей Райгена Олинии стали белее снега. Неотрывно глядя на Райгена, она, опершись о подлокотники, прошептала:

– Что ты дал ему?

– Яд, мгновенно разрушающий печень. Этот процесс необратим, моя госпожа...

На этот раз Олиния подалась вперёд всем телом – казалось, слова Райгена были для неё настоящей музыкой:

– Необратим и мучителен, так?

– Совершенно верно, моя госпожа. – Увидев, каким мрачным торжеством после его ответа осветилось лицо Олинии, Райген, пусть и ослеплённый страстью, на миг похолодел. Олиния же опустила голову и, помолчав немного, встала из кресла. Решительно подошла к столику у окна и открыла большую резную шкатулку.

– Ты прав, Райген. Мой муж будет в бешенстве, так что тебе действительно лучше исчезнуть из имения. Подойди.

Райген шагнул вперед, словно очарованный, и ещё через миг обнаружил у себя в руке ожерелье из крупных гранатов.

– Подарок на свадьбу. Редкая безвкусица, но камни стоят дорого. – Голос Олинии прозвучал на диво ровно, и Райген стиснул ожерелье так, что у него побелели костяшки пальцев. Бросив под ноги Олинии сразу две жизни – свою и Дариена, он, конечно же, ждал от неё отклика, но даже представить себе не мог, что от него попытаются откупиться.

– Я сделал это не ради денег, госпожа. – Голос Райгена охрип от накативших на него чувств, и Олиния, бросив на него недоумевающий взгляд, нахмурилась, а потом вновь склонилась над шкатулкой, перебирая хранящиеся в ней украшения. Извлекла из ларца оправленную в серебро бирюзу.

– Вот. Это ожерелье я действительно люблю. Оно будет напоминать тебе обо мне. – Произнеся эти слова, Олиния попыталась вложить камни в руку Райгену, но он накрыл её ладонь своей и тихо произнес:

– Это не те воспоминания, которые стоит хранить, моя госпожа.

– Я не понимаю, Райген... – В голосе Олинии почувствовалось раздражение. Резко захлопнув крышку шкатулки, она сердито посмотрела на стоявшего подле неё мужчину. – Чего ты хочешь?

Вместо ответа Райген лишь нахмурился, но уже через миг он шагнул вперед и, крепко обняв Олинию, прижал её к себе.

Вначале его требовательный, жаркий поцелуй не встретил отклика – с таким же успехом Райген мог бы лобызать мраморные уста изваяния Малики, но потом губы Олинии слабо вздрогнули, уступая столь рьяному напору. Запрокинув голову, доселе неприступная и холодная хозяйка имения вздохнула, и Райген, еще крепче сжав её в своих объятиях, принялся осыпать своего идола торопливыми поцелуями.

Она не противилась охватившему его желанию, позволяя Райгену и поцелуи, и торопливый бессвязный шёпот, и даже более того – подняв руку, Олиния стала легко перебирать пальцами густые волосы Райгена, но эта ответная ласка длилась лишь несколько мгновений. Когда руки поклонника скользнули с плеч Олинии ей на спину, она, неожиданно выгнувшись, отстранила Райгена от себя.

– Довольно!.. Тебе надо торопиться! Время не терпит...

Райген едва не застонал, понимая жестокую правоту этих слов.

– Я увижу тебя вновь, госпожа?

– Да. – Олиния отвернулась от Райгена к окну, кусая губы. Она не ожидала того, что подарившая ей союзника страсть почти мгновенно превратится в досадную помеху. – Но не ранее, чем все успокоится.

Взяв со столика отвергнутые Райгеном украшения, Олиния снова вложила их в руки поклонника:

– Возьми. Это поможет тебе переждать бурю.

Ответом ей был пылающий от страсти взгляд, но в этот раз Райген не стал отвергать камни. Отправив подарок Олинии за пазуху, он направился к выходу, но на пороге вновь обернулся:

– Я вернусь, госпожа.

Стоящая у окна Олиния ничего ему не ответила, и Райген покинул комнату, не чуя под собою ног.

По лестнице он спускался, точно пьяный, – поминутно останавливался, оглаживая спрятанный на груди подарок Олинии. Его идол ответил ему, и хотя эта ласка была досадно короткой, Райген верил, что принесенная им жертва была не напрасной. Рано или поздно он вернется сюда и сорвет с Олинии все покровы, взяв причитающуюся ему награду. Ощутит под своими руками такое желанное тело, услышит бархатистый, грудной голос сводящей его с ума женщины...

Поглощенными такими мыслями и желаниями, Райген перестал обращать внимание на окружающее, а потому встреча с хозяином имения стала для него полной неожиданностью. Привезший нового лекаря Гирмар в этот раз не стал разводить церемонии, тем более что и нанятый им лекарь, до того много лет пользовавшийся раненых воинов, не придавал значения пустым условностям. Оставив лошадей в конюшне, Гирмар повел нового обитателя имения через чёрный ход – из-за полутёмного коридора Райген не сразу узнал его, а когда понял, кого видит перед собою, было уже поздно.

– Почему ты не уведомил меня о своём отъезде? – Скрестив руки на груди, хозяин имения преградил дорогу Райгену, и тот с трудом выдержал пристальный, давящий взгляд. Сказал как можно спокойнее:

– Я лишь сегодня получил известия из дому. Мне нужно срочно уехать.

Но услышавший такой ответ Гирмар даже не сдвинулся с места.

– Я приставил тебя к своим сыновьям, Райген. Что такого важного случилось у тебя дома, что ты готов пренебречь возложенными на тебя обязанностями?

Райген поправил баул на плече. Облизнул разом пересохшие губы:

– Мой отец тяжело заболел. Я должен...

– Не верь ему, папа! – Звонящий от гнева и боли голос Олдера заставил мужчин повернуться к черному входу. Олдер – бледный, как сама смерть, судорожно вцепился в косяк двери, глядя на Райгена пылающими от ненависти глазами, а рядом с ним стоял Антар – воин держал на руках Дари. Глаза мальчишки были закрыты, левая рука свесилась вниз бессильной плетью.

В тот же миг Райген, осознав, что угодил в ловушку, сбросил баул с плеча и рванулся вперёд, на ходу вытаскивая оружие, но и Гирмар был главою «Доблестных» отнюдь не по одному названию. Уклонившись от удара, он оказался сбоку от Райгена – подсечка и хват за плечо точно слились в одно движение, и уже в следующее мгновение Райген растянулся на каменных плитах, а остриё Гирмарова кинжала царапнуло его сонную вену.

– Встреча с родными, говоришь... – Не ослабляя хвата, Гирмар вывернул руку Райгена так, что у того хрустели кости, а до того безмолвствующий лекарь шагнул вперёд и поднял с пола выпавшее у Райгена гранатовое ожерелье. Покрутил свою находку в руке:

– Похоже, вы поймали вора прямо на пороге...

Глаза увидевшего камни Гирмара зло прищурились.

– Я помню это ожерелье. Оно было на шее моей жены в день свадьбы... – В следующий миг удар по затылку отправил Райгена в отнюдь не благостное забытье, а поднявшийся с колен Гирмар отчеканил:

– Займись моим сыном, Ремст. Антар будет помогать тебе, чем может. – А потом Гирмар взглянул на лежащего у его ног Райгена и, недобро оскалившись, повернулся к сбежавшимся на шум слугам: – Отволоките эту падаль в подвал и принесите туда розги, жаровню и прут...

За окном царила непроглядная мгла, да и в самой комнате сгустившуюся черноту разгонял лишь слабый огонёк свечи. Олдеру уже давно следовало бы быть в своей постели, но он продолжал находиться в комнате Дари – мальчишка сидел прямо на полу, прижавшись к тёплому боку Тумана, и смотрел на постель – на ней, накрытое полотном, лежало тело брата. Привезённый отцом лекарь сделал всё от него зависящее и даже больше того, но все его усилия оказались тщетными так же, как и старания Антара. Силы, отданные Дари подоспевшим на подмогу братьям Чующим, помогли мальчишке продержаться до дома, но губительное действие яда было уже невозможно остановить. Брат умер три часа назад – так и не приходя в сознание.

После того как лекарь, вздохнув, сказал, что всё кончено, и закрыл тканью восковое лицо Дари, Олдер, который всё это время находился подле брата, ушёл на псарню и вскоре вернулся с Туманом. К этому времени комната Дари опустела – взрослые разошлись заниматься другими делами, и никто не мог помешать Олдеру заступить на его дежурство. Пёс при виде Дари жалобно завыл, но со временем даже его плач утих – теперь Туман лишь изредка поскуливал, а Олдер был бы и рад расплакаться, но его глаза оставались сухими, а невыплаканные слёзы словно бы обратились в лежащий на сердце камень, и этот груз мальчишка собирался нести сам...

Олдер знал, где можно найти отца, но не стремился его увидеть – что бы ни сделал Гирмар с Райгеном, каким бы пыткам ни подверг отравителя, это уже не воскресит Дари. Мальчишка обнял жалобно заскулившего Тумана за шею и ещё теснее прижался к тёплому собачьему боку – в том, что произошло, была и его часть вины! Если бы он меньше носился со своим горем, то находился бы рядом с Дари, и тогда Райген вряд ли бы добрался до брата так просто...

Олдер отвёл взгляд от укрытого полотном тела и посмотрел на свою руку. Медленно согнул и распрямил пальцы. Теперь он бы с готовностью пожертвовал чем угодно, согласился бы на всю жизнь остаться слабым калекой, если б это могло отменить смерть брата, но взывать к небесам было уже слишком поздно!..

– Тебе не следует сидеть на полу – слишком холодно... – произнёс тихо вошедший в комнату Гирмар и тут же, вопреки собственным словам, опустился рядом с Олдером на корточки. Притянув сына к себе, устало вздохнул:

– Райген рассказал мне всё – даже то, о чём бы предпочёл промолчать. Через два дня за ним приедут «Карающие» из отряда моего воинского друга. Я отослал письмо Ронвену, в котором вкратце пояснил, что произошло и какая мне требуется помощь. Вскоре Райген получит сполна за своё преступление – его колесуют на площади в Милесте ещё с парочкой таких же позабывших о законе алхимиков. Мутить же собравшийся на площади народ Райген не сможет – я уже позаботился о том, чтобы с губ убийцы после необходимого признания больше не слетело ни единого звука...

Гирмар замолчал и вновь вздохнул, взъерошив волосы сыну. Но Олдер не отозвался на эту ласку, и отец заговорил снова.

– Теперь я знаю, что Олиния является зачинщиком произошедшего, но имя Остенов не должно быть запятнано, поэтому моя жена вскоре отправится в имение под Тургвом – там, в лесной глуши, у неё будет много времени для того, чтобы замолить перед Маликой хотя бы часть своей вины. Здесь она больше никогда не появится, но я понимаю, что для тебя Олиния – прежде всего мать, и не буду против, если ты изредка станешь её навещать...

Гирмар вновь замолчал, всем своим видом показывая, что ожидает от Олдера ответа, а тот, бросив короткий взгляд на отца, вновь посмотрел в сторону накрытого светлым полотном тела Дари и тихо произнёс:

– С сегодняшнего дня у меня больше нет брата... А значит, и матери тоже нет...

Приняв это решение, Олдер остался ему верен даже тогда, когда Олиния в сопровождении мрачной охраны и двух престарелых жриц Малики отбывала в долженствующее стать местом её пожизненного покаяния имение. Гирмар не позволил ей взять с собою ни украшений, ни платьев, ни притираний, и теперь Олиния была облачена в серое одеяние послушницы Малики. Её лишенное косметики, опухшее от слёз лицо казалось стоящему неподалеку Олдеру чужим и каким-то незнакомым. Он смотрел на женщину, кровь которой текла в его жилах, и не узнавал её, а в сердце его уже не было ни гнева, ни боли – одна только холодная пустота. Душа Олдера словно бы заledenела...

Олиния отняла от покрасневших глаз платок и попыталась что-то сказать ведущему её под локоть Гирмару, но на его лице не дрогнул ни один мускул. Олиния всхлипнула, рассеянно оглянулась, и, увидев Олдера, рванулась к нему, но не смогла высвободиться из рук мужа и крикнула:

– Это всё было ради тебя, мальчик мой!

Отчаянный вопль хлестнул Олдера, словно плеть. Он вздрогнул всем телом, но потом, не одарив мать ни словом, ни взглядом, ушёл прочь со двора...

Это была их последняя встреча. Со слов отца Олдер знал, что мать живет в дальнем имении под неусыпным надзором жриц, но никогда не выказывал даже малейшего желания её навестить.

Так шли годы. Затем Олиния, каким-то образом узнав о смерти Гирмара, прислала сыну письмо, в котором умоляла его о встрече, но уже переживший Реймет Олдер, прочитав четыре неровные строки, немедленно отправил восточку от матери в огонь, а в имение для усиления надзора послал новых людей – тех, кого нельзя было взять ни жалостью, ни подкупом. И неудивительно. После смерти Дари Гирмар и Олдер, разделив одно горе на двоих, сблизились по-настоящему, так что Олиния, называя в письме к сыну покойного мужа «несправедливым деспотом» и обвиняя Гирмара в том, что он разлучил её с Олдером, совершила очередную ошибку.

Еще через несколько лет она, так и не дождавшись ответа от сына, тихо умерла, и Олдер велел перевезти тело матери в семейную усыпальницу Остенов – там Олиния и обрела последний покой – в самом дальнем углу, под лишённой украшений мраморной плитой... Так или иначе, но она тоже была одной из Остенов, и Олдер отдал ей причитающийся долг – не как матери, а как носительнице родового имени...

Мысли о родовых обязанностях и долгах заставили Олдера вернуться из воспоминаний в настоящее – за окном медленно тускнели звёзды, ночь воспоминаний подходила к своему

концу, и рассвет нового дня был уже не за горами. Тысячник вернул на доску серебряного конника, которого до этого бездумно крутил в пальцах, и невесело усмехнулся.

Дорин уже несколько раз – то в шутку, а то и с самым серьёзным лицом – намекал Олдеру, что он, расставшись наконец со своим статусом вдовца, мог бы помочь Остенам в заключении нового, выгодного для них союза. В конце концов, долг перед родом никто не отменял, да и самому Олдеру в этом случае ничем не придется жертвовать. Во многих знатных семействах уже подросли очаровательные юницы, не уступающие в красоте его покойной супруге. Тысячник на подобные намёки всегда отвечал отказом, находя для своего нежелания вступать в новый брак тысячу и одну причину, но никогда не открывая истинной сути своего затянувшегося одиночества. На самом деле Олдер просто не верил, что чужая женщина сможет принять его Дари, заменив ему мать, а ещё Амэнский Коршун всерьёз опасался того, что новая жена, родив своего ребёнка, попытается расчистить для него дорогу к наследованию за счёт Дари. А как он уследит за супругой, если из-за службы Амэну месяцами не появляется дома?..

Тряхнув головой, Олдер встал со своего места и, вновь подойдя к спящему Дари, огладил его встрепанные волосы самыми кончиками пальцев, прошептав:

– Спи спокойно. Второй раз я ошибки не допущу.

Глава 3

Чужая земля

Энейра

Мои сборы и прощание с Дельконой не заняли много времени – уже через два дня я была в дороге. Свой путь в Мэлдин мне предстояло совершить в одиночестве – я не захотела ни прибаваться к путешествующим между храмами богомольцам, ни искать себе место среди идущих по тракту купеческих обозов, хотя их было немало. Как только между Амэном и Крейгом установилось очередное перемирие, купцы поспешили возобновить свои старые связи и начали торговать с утроенным рвением – барыши им были нужны уже сейчас, а сколько продлится очередной мир, не взялись бы гадать даже храмовые оракулы. Я бы, во всяком случае, точно не стала загадывать сроки.

Мать Вериника, узнав о таком решении, попеняла мне за излишнюю самонадеянность, но, поняв, что я не уступлю, махнула рукой, так что теперь я не торопясь ехала по Винному тракту – свое название он получил именно из-за того, что по нему в Крейг и попадало амэнское вино – сколько бы мои соотечественники ни накопили обид к южанам, отказаться от даров их виноградных лоз они не могли.

Поскольку весь путь мне предстояло проделать верхом, я вновь была в привычной мужской одежде, но мою принадлежность к служению Малике выдавал дорожный плащ – плотный, серый, с чёрной рунической вышивкой по краям. Это же подтверждал и освящённый Матерью Вериникой знак Младшей Жрицы – она вручила его мне перед самым отбытием вместе с письмами Матери мэлдинского святилища, пояснив свое решение тем, что я его вполне заслужила хотя бы за своё знание трав и навыки лечения. Кроме этого, такой знак откроет мне доступ к сокровенным знаниям Мэлдина, которые вряд ли станут доступны обычной послушнице, да и моё путешествие в статусе жрицы будет более безопасным.

Беспокойство Матери о моей безопасности стало причиной еще и того, что к скромным пожиткам травницы прибавился солидный запас дорогих и очень сильных зелий, а в перемётных сумах хранился необходимый для долгого путешествия скарб. Большую часть данных мне в дорогу вещей я, отделив, оставила в храме, невзирая на укоризненный взгляд Старшей. Так же я поступила и с вручёнными мне монетами – привыкнув довольствоваться малым, я не собиралась изменять этой привычке.

Уведённый мною у амэнцев вороной красавец-конь тоже остался в храмовой конюшне. После недолгих колебаний я сменила его на молодую кобылу гнедой масти – выносливую и не норовистую. Хотя встреча с настоящим хозяином жеребца представлялась мне маловероятной, я уже давно убедилась в том, что Седобородый, являясь хозяином наших жизненных путей, любит сталкивать людей на узкой тропке, и решила не испытывать судьбу.

Отрезок пути до границы с Амэном прошёл тихо – на дворе как раз стояла чуть прохладная, но ясная погода, а на дорогах всё было спокойно. Небольшие задержки были у меня лишь пару раз – на одном из постоянных дворов приняла неожиданно начавшиеся роды у купеческой жены да в одной из деревенок провела несколько дней возле сильно

простудившейся малышки. Вышивка на моём плаще не только защищала, но и обязывала, впрочем, эти обязанности были мне не в тягость. Разве что у постели девчушки, чем-то неуловимо напоминающей Мали, мне взгрустнулось – оглаживая пушистые волосы малышки, я осознала, что где-то в глубине моей души всё ещё теплилась потребность оберегать и лелеять, вслушиваться в тихий лепет ребёнка и отвечать на его улыбку своей, да только что теперь об этом было говорить!.. Мали я потеряла, а для того, чтобы взять под опеку сироту, следовало хотя бы найти себе постоянное пристанище, а не временное убежище.

Эти мысли привлекли за собою и другие – мне вновь вспомнились слова Матери Вериники о Ставгаре и мой разговор со Славрадом. Видно, зря я не отдала Владетелю до сих пор хранящуюся у меня печатку – Славрад настаивал на том, что у Бжестрова должна была оставаться надежда на встречу, но не сыграет ли в моё отсутствие на этой надежде Старшая?.. И чего Хозяйка Дельконы на самом деле желала добиться от Ставгара?.. Что собиралась ему пообещать?..

Чем больше я думала о Бжестрове и связанных с ним разговорах в Дельконе, тем больше мною овладевала тревога за него – смутное беспокойство через несколько дней переросло в предчувствие чего-то недоброго, и я, уже будучи неподалёку от амэнской границы, заночевав на небольшом постоялом дворе, решила на гадание. В полночь, запалив свечу и налив в широкую глиняную миску набранной из колодца воды, я бросила на дно посуды несколько способствующих прорицанию сухих веточек омелы и вербены. Потом опустила туда же печатку Бжестрова и, шепча наговор, стала неотрывно смотреть в середину кольца. Вначале ничего не происходило, но после того, как я в седьмой раз прошептала «на миг покажись, будущим обернись», середина кольца словно бы затуманилась и в ней начали проступать неясные тени. С каждым мгновением они уплотнялись, обретая форму, и вскоре стал виден силуэт стоящего на коленях человека – он словно бы молился, и я смогла рассмотреть его чёткий, решительный профиль, – то был Ставгар!.. Как только я мысленно назвала его имя, увиденный мною в кольце образ мгновенно распался, вновь закрутившись белой дымкой, в которой всё быстрее и быстрее стали двигаться новые тени. Теперь перед моими глазами кипел бой: вздыбленные кони, заносящие оружие всадники... Вот два воина сошлись между собою в яростном поединке – мне даже показалось, что я слышу конский хрип и звон оружия.

[Купить полную версию книги](#)